ПРОВЕРКА
1948 г.

Р5916
Р1955 41

Гр. И. И. Толстой.

Монеты Великаго Князя Василія Дмитріевича.

1389—1425 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ Б. М. ВОЛЬФА.
Невскій пр., 126.
1911.

Ф. 3882

1072
ОЗК
НБРАХ

Г. 3882

Гр. И. И. Толстой.

Проверен 2007 г.
ПРОВЕРЕНО 1967 г.
-6/2280
1954 г.

Монеты Великаго Князя Василія Дмитріевича.

1389—1425 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ Б. М. ВОЛЬФА.
Невскій пр., 126.
1911.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ СССР НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

10

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *Б. Фармаковскій.*

Отдѣльный оттискъ изъ II тома Записокъ Нумизматическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

МОНЕТЫ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ДМИТРІЕВИЧА

(съ 5-ю таблицами изображеній монетъ [1]).

№ 1. *Лиц. ст.* Поясное изображеніе человѣка влѣво (отъ зрителя); въ правой рукѣ человѣка сабля, въ лѣвой—боевой топоръ. Въ центрѣ штемпеля (между рукоятью сабли и шеей фигуры)—точка. Круговая надпись, между двумя линейными ободками:

[КН]АZАВЕЛИКОГОВАСИ...

Об. ст. Арабская надпись, скопированная съ деньги Тохтамыша, въ квадратѣ: السلطان تو|قتامش|خان خلد т. е. „Султанъ Тохтамышъ ханъ, да продлится его жизнь“; вокругъ квадрата остатки арабскихъ буквъ.

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ $22^1/_2$ доли и 21 доля.

№ 2. *Лиц. ст.* Голова человѣка налѣво; подъ головой изображена согнутая лѣвая рука съ плечемъ; все изображеніе представляетъ собою грубо исполненное погрудное. Въ рукѣ человѣка кривая сабля. Вокругъ, между двумя линейными ободками, надпись:

КНАZЬВЕЛКНВ[ИСНД]Н

Об. ст. Арабская трехстрочная надпись, какъ на предъидущей монетѣ (Султанъ Тохтамышъ-ханъ, да продлится его жизнь).

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ $20^1/_2$ долей.

---

1) Нумерація изображеній монетъ на таблицахъ соотвѣтствуетъ нумераціи ихъ въ описаніи.

№ 3. Подобная предъидущей монета, но на лиц. ст. голова крупнѣе и окружена не линейнымъ (внутреннимъ), а бусовымъ ободкомъ, надъ лбомъ фигуры двѣ бусы, позади головы—три бусы.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 18 долей.

№ 4. Подобная предъидущей монета, но голова меньше; позади головы бусъ нѣтъ. Круговая надпись: кнѧ..... ꙗасил

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 20 долей.

№ 5. *Лиц. ст.* Поясная фигура человѣка вправо, держащаго въ одной рукѣ боевой топоръ, а въ другой мечъ. Вокругъ изображенія линейный ободокъ. Сохранившаяся часть круговой надписи:

пєуа[тьк.....]сила

Об. ст. Подражаніе арабской надписи, находящейся на об. ст. № 1

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 22 доли.

№ 6. *Лиц. ст.* Поясная фигура человѣка, обращеннаго налѣво и держащаго въ правой рукѣ боевой топоръ, а въ лѣвой—прямой мечъ. Передъ мечемъ лежитъ человѣческая голова; надъ нею звѣздочка. Круговая надпись между линейными ободками (справа налѣво):

....нѣн ɔѣꙗнꙗнлэꙗдꙗ...

Об. ст. Изображеніе барса съ загнутымъ кверху хвостомъ, идущаго налѣво. Барсъ изображенъ въ четыреугольной рамкѣ, которая, въ свою очередь, окружена двойнымъ ободкомъ, линейнымъ и изъ бусъ. Сегменты, образовавшіеся отъ вписаннаго въ кругъ прямоугольника, заполнены подраженіями арабскихъ буквъ и перекрещивающимися черточками, образующими своеобразный орнаментъ.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 22 доли.

№ 7. *Лиц. ст.* Изображеніе пѣтуха направо; надъ нимъ небольшой звѣрекъ на четырехъ лапахъ съ длиннымъ хвостомъ; между звѣрькомъ и спиною пѣтуха буса; подъ грудью пѣтуха т. наз. „тамга“. Круговая надпись, между двумя линейными ободками:

[кнѧз]ьвєлꙗꙗсилн

Об. ст. Арабская надпись: какъ на предъидущихъ, гласящая, „Султанъ Тохтамышъ-ханъ, да продлится его жизнь“. По сторонамъ второй строки по „тамгѣ“ (собственно, плетеный орнаментъ).

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ 21 доля и $19^1/_2$ долей (оба экземпляра потерты).

№ 8. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущей монеты. Между звѣрькомъ и спиною пѣтуха вмѣсто бусы—звѣздочка; подъ грудью пѣтуха тоже звѣздочка. Круговая надпись: КНАЗЬ[ВЕЛИКИ]ВАСИЛ, причемъ послѣдняя буква надписи слита съ первою, такъ: ⅄

Экземпляръ моего собранія (потертъ). Вѣсъ 21 доля.

№ 9. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№., но звѣрька надъ пѣтухомъ нѣтъ; вмѣсто него ⁂ тоже подъ грудью пѣтуха. Круговая надпись: КНАЗЬАВЕЛИКОГОВАСИ, причемъ первая и послѣдняя буквы надписи слиты.

Об. ст. Подобна об. ст. № 7.

Экземпляръ моего собранія (потертъ). Вѣсъ 20 долей.

№ 10. Подобна предъидущей монетѣ. Круговая надпись лиц. ст. КНА[ЗЬ]ВЕЛИКОГОВАСИЛ (буквы не слиты).

Экземпляръ собранія Имп. Эрмитажа.

№ 11. Подобна предъидущей монетѣ. Отъ круговой надписи сохранились буквы... ..ВАСИЛИ...

Довольно сильно потертый экз. моего собранія. Вѣсъ 19 долей.

№ 12. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. трехъ предъидущихъ монетъ, но остатокъ надписи читается справо налѣво, причемъ основаніе буквъ обращено къ внѣшнему ободку монеты ...ИИЭЬЯ...

Об. ст. Арабская надпись: السلطان تو‖قتامش‖خان خلد

(Султанъ Тохтамышъ-ханъ, да продлится его жизнь).

Экземпляръ собранія П. В. Зубова.

№ 13. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ монетъ, но круговая надпись: ПЕЧАТЬКНАЗЬАВЕЛИКОГО (безъ имени).

Об. ст. Надпись: السلطان تو‖⁂‖قتامش‖خان خلد

Экземпляръ собранія П. В. Зубова.

№ 14. Подобна монетамъ, описаннымъ подъ №№ 7—13, но надъ пѣтухомъ—два рядомъ поставленныхъ кружка. Подъ грудью плетенье („тамга“); пѣтухъ тощій. Отъ круговой надписи сохранились буквы: ...ВЕЛИКИВА...

Экземпляръ моего собранія (потертъ). Вѣсъ $18^1/_2$ долей.

№ 15. Подобна предъидущимъ монетамъ, но надъ спиною пѣтуха плетенье (тамга), а подъ клювомъ его двѣ бусы. Круговая надпись: КНАЗЬАВЕЛИКОГОВАСИЛЬА

На трехъ варіантахъ этой монеты моего собранія видны слѣдующія части надписи: 15а) КНАЗА.....НЬА 15б) .....ЯІКОГОВАСН.... и 15в) ...АВЄЯІКОГОВАС...

3 варіанта въ моемъ собраніи (всѣ экземпляры довольно сильно потерты). Вѣсъ: 20 долей, 18 долей и $17^1/_2$ долей.

№ 16. *Лиц. ст.* Барсъ, бѣгущій налѣво, съ повернутою къ зрителю головою; хвостъ загнутъ надъ спиною звѣря. Круговая надпись: (составленная по пяти экземплярамъ): КНАЗЬВЄЯІКНВАСНЯАТРЄ

Об. ст. Пятистрочная надпись:

КНАЗ
ЄВЬЯІКН
ВА⊗⊗СН
ЛНСЬЯ
РУСН

въ линейномъ ободкѣ.

5 экземпляровъ въ моемъ собраніи. Вѣсъ 20, 20, 20, $19^1/_2$ и 19 долей.

№ 17. Подобна предъидущему №, но надпись об. ст. отличается по 2-й строкѣ:

КНАЗ..
ВЄЛК..
ВА⊗⊗...
ЛСЬ..
..УС..

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 19 долей.

№ 18. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. №№ 16 и 17.
Об. ст. Надпись:

КНА
ІZЄВЬЛ..
КН⊗⊗ВА
СІЯСЬЯ
РУС..

3 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ $19^1/_2$, 19 и 19 долей.

№ 19. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№
Об. ст. Надпись:

КНА..
ВЬЯІСНВ(
ГР⊗⊗УС
ВАСН..
.....

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ $18^1/_2$ долей.

№ 20. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№.
Об. ст. Надпись:

(вѣроятно „ьяруси“)

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 20 долей.

№ 21. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№.
Об. ст. Надпись:

(обращаетъ на себя вниманіе начертаніе во второй строкѣ буквъ л, и, к, и, в слитно).

3 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ $20^1/_2$, 19 и 19 долей.

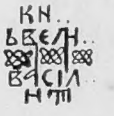
№ 22. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№.
Об. ст. Надпись:

2 экземпляра въ моемъ собраніи. 19 и 19 долей.

№ 23. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№.
Об. ст. Надпись:

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ 19 и 19 долей.

№ 24. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№.
Об. ст. Надпись:

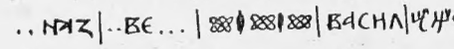


Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ $19^1/_2$ долей.

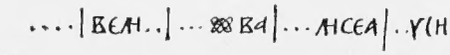
Примѣчаніе 1. Встрѣчается весьма значительное количество варіантовъ по надписи оборотной стороны монетъ, описанныхъ подъ №№ 16—24. Надпись эта нерѣдко бываетъ искажена или буквы, ее составляющія, перепутаны. Въ видѣ примѣра, привожу здѣсь шесть экземпляровъ моего собранія, на которыхъ читается:

24а)

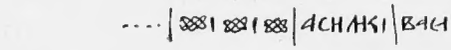
24б)



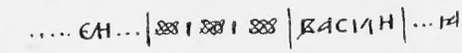
24в)



24г)



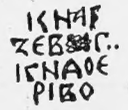
24д)



24е)

Вѣсъ $20^1/_2$, 20, 20, 20, 20, 19 и 18 долей.

№ 25. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. описанныхъ подъ №№ 16—24. *Об. ст.* Надпись:



4 экземпляра моего собранія. Вѣсъ: 20, 20, 20 и $19^1/_2$ долей.

Примѣчаніе 2. Эти монеты тоже имѣютъ явно искаженную надпись на об. ст.; такъ какъ смысла ея безъ явныхъ натяжекъ раскрыть нельзя, то высказывать болѣе или менѣе остроумныя предположенія относительно нея нахожу нетолько неудобнымъ, а скажу прямо, не-нужнымъ, и даже скорѣе вреднымъ для дѣла. Выдѣлилъ я эти монеты подъ особымъ номеромъ потому, что онѣ встрѣчаются въ коллекціяхъ довольно часто и, конечно, возбуждаютъ извѣстное недоумѣніе.

№ 26. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. №№ 16—25, съ тою разницею, что голова барса повернута въ профиль, а не впрямь къ зрителю.

Об. ст. Надпись:

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ $19^1/_2$ и 18 долей.

№ 27. *Лиц. ст.* Барсъ, какъ на лиц. ст. №№ 16—26, но бѣгущій направо; голова его изображена въ профиль. Поднятый надъ спиною звѣря хвостъ заканчивается метлою о четырехъ концахъ. Круговая надпись, какъ на № 16.

Об. ст. Арабская надпись: السلطان تو|***|قتامش|خان خلد

(т. е. Султанъ Тохтамышъ-ханъ, да продолжится жизнь его).

17 экземпляровъ въ моемъ собраніи (есть незначительные варіанты какъ по лицевой, такъ и по об. ст.; всѣ довольно плохой сохранности, почему полныя надписи могутъ быть прочтены только при сопоставленіи нѣсколькихъ экземпляровъ, дополняющихъ другъ друга).

Вѣсъ: 22½, 22, 22, 22, 22, 22, 22, 22, 22, 21½, 21, 21, 21, 21, 21, 20½ и 20½ долей.

№ 28. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №, но надпись:

ПЕ..... AZABAC....

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущаго №

Экземп. собранія Имп. Эрмитажа.

№ 29. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №, но барсъ меньшихъ размѣровъ.

Об. ст. Четырехстрочная надпись, отъ которой сохранились только слѣдующія буквы.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 19 долей.

№ 30. *Лиц. ст.* Звѣрь, идущій налѣво. Правая передняя лапа приподнята, а голова повернута назадъ. Подъ ногами звѣря три бусы. Вокругъ изображенія линейный ободокъ. Круговая надпись:

КNА[ЗЬВЕЛН]КNIВАСНАNIАНИТР

Об. ст. Арабская надпись: السلطا|العادل تو|قتامش|خان

(т. е. Султанъ благородный Тохтамышъ-ханъ).

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ 30½ и 30 долей.

3-й экземпляръ находится въ собраніи П. В. Зубова; вѣсъ его 30½ долей.

№ 31. *Лиц. ст.* Надпись:

Об. ст. Арабская надпись въ квадратной рамкѣ съ именемъ Тохтамыша-хана.

3 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ 21, $20^1/_2$ и $20^1/_2$ долей.

№ 32. *Лиц. ст.* Надпись:

Об. ст. Подражаніе арабской надписи.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ $20^1/_2$ долей.

№ 33. *Лиц. ст.* Надпись:

въ линейномъ ободкѣ.

Об. ст. Копія татарской надписи; съ деньги Джанибека, чеканенной въ Сараѣ въ 748 г. (=1373); ясно видны буквы:

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 21 доля.

№ 34. *Лиц. ст.* Надпись:

въ линейномъ ободкѣ.

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущаго №.

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ 21 и 20 долей.

Примѣчаніе. Штемпель лиц. ст. № 34 очень схожъ со штемпелемъ об. ст. № 22.

№ 35. *Лиц. ст.* Всадникъ, ѣдущій на конѣ направо. Лѣвая рука, держащая поводъ, загнута къ груди. На правой рукѣ, поднятой кверху и назадъ,—соколъ. Впереди головы всадника полумѣсяцъ рогами кверху. Все изображеніе окружено двойнымъ ободкомъ, линейнымъ и изъ бусъ.

Об. ст. Надпись:

(надпись возстановлена по двумъ экземплярамъ).

Экземпляръ моего собранія; вѣситъ 21 долю.

Другой экземпляръ въ собраніи Московскаго Историч. Музея. Вѣсъ 21 доля.

№ 36. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №

Об. ст. Надпись, въ двойномъ ободкѣ, линейномъ и изъ бусъ:

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ 21 и 21 доля.

№ 37. *Лиц. ст.* Всадникъ съ соколомъ на правой рукѣ, какъ на предъидущихъ №№. Вокругъ, между двумя линейными ободками, надпись: КНѦZБВ.ЛН..В.....ѦРУСН

Об. ст. Въ двойномъ ободкѣ, линейномъ и изъ бусъ, арабская надпись: السلطان تو | ××× | قتامش | خان خلد (т. е., Султанъ Тохтамышъ-ханъ, да продлится жизнь его).

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 21 доля.

№ 38. *Лиц. и об. ст.* подобна лиц. и об. предъидущаго №., но круговая надпись лиц. КНѦZЬ.....НЛВСѦРУСН

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ $21^1/_2$ и $19^1/_2$ долей.

№ 39. лиц. и об. ст. подобны лиц. и об. предъидущаго №. Круговая надпись лицевой ..... ЄЛКНВ...ЛВСЄѦРУСН

Экземпляръ собранія П. В. Зубова.

№ 40. Обѣ стороны подобны лиц. и об. предъидущихъ №№., но Круговая надпись: КНѦZЄВЄЛКНВАСНЛВСЄѦРУСН

9 экземпляровъ въ моемъ собраніи, всѣ не важной сохранности, но дополняющіе другъ друга; замѣтны незначительные варіанты штемпелей. Вѣсъ: $23^1/_2$, 21, 21, 21, $20^1/_2$, $20^1/_2$, $20^1/_2$, $20^1/_2$, и 20 долей.

№ 41. *Лиц. и об. ст.* Подобны лиц. и об. предъидущихъ №№., но передъ всадникомъ, надъ шеей лошади—буса (точка).

5 неважныхъ экземпляровъ въ моемъ собраніи. Вѣсъ: $21^1/_2$, 21, 21, $20^1/_2$, и $20^1/_2$ долей.

№ 42. Подобна предъидущимъ монетамъ. Соколъ на рукѣ у всадника очень малъ, передъ головою всадника полумѣсяцъ рогами кверху (ср. №№ 35 и 36). На моемъ экземплярѣ почти вся круговая надпись стерлась: еле замѣтенъ только конецъ ея.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 20 долей.

№ 43. *Лиц. ст.* Подобна №№ 36—39. Круговая надпись:

[кн]ѧзевелкивасилидми...

Об. ст. Арабская надпись, раздѣленная пополамъ двумя плетеными орнаментами (такъ наз. „тамгами") и кружкомъ, въ которомъ изображена человѣческая голова, въ профиль, въ круглой шапкѣ или шлемѣ. Голова повернута такъ, что если на нее смотрѣть въ правильномъ положеніи, то арабская надпись оказывается перевернутою низомъ кверху, а напротивъ, если читать надпись, то голова оказывается перевернутою шлемомъ внизъ. Арабская надпись обычная:

السلطان تو || قتامش || خان خلد (т. е. Султанъ Тохтамышъ-ханъ, да продлится его жизнь).

5 экземпляровъ въ моемъ собраніи. Вѣсъ 22, 22, $21^1/_2$, $20^1/_2$ и 15 долей.

№ 44. Лиц. ст. и об. ст. подобны лиц. и об. предъидущаго №, но круговая надпись лиц. ст. кнѧз.....илидмитре

Экземпляръ въ собраніи П. В. Зубова.

№ 45. Какъ предъидущій №, но круговая надпись лиц. ст.:

кнѧзевелкивасилидмитревну

4 экземпляра моего собранія. Вѣсъ 22, 22, $21^1/_2$ и $21^1/_2$ доли.

№ 46. Тоже, но передъ всадникомъ, надъ шеей лошади—кружокъ. Круговая надпись: кнѧзевелкивасилидмитрев...

7 экземпляровъ въ моемъ собраніи. Вѣсъ 22, $21^1/_2$, 21, 21, 20 и 17 долей.

№ 47. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. №№ 42—44., но соколъ особенно крупный. Круговая надпись КНЯ.....ВАСНАНН....

Об. ст. Подобна об. ст. №№ 43—46, съ тою разницею, что голова человѣка въ срединѣ штемпеля не обведена кружкомъ, а выдѣлена отъ арабскихъ плетеній (тамга) двумя чертами, являющимися удлиненіями арабскихъ буквъ.

2 экземпляра моего собранія. Вѣсъ 21 и 20 долей.

№ 48. Лиц. и об. ст. подобны лиц. и об. предъидущаго №. Круговая надпись: КН.....НДНИТРЕУ

Экземпляръ собранія П. В. Зубова.

№ 49. *Лиц. ст.* Всадникъ, какъ на предъидущихъ монетахъ, но очень грубой работы; подняты обѣ руки. Изъ буквъ надписи на моихъ экземплярахъ можно разобрать только .....НВАСНН.....

Об. ст. Подражаніе татарской надписи, но безъ человѣческой головы посрединѣ, замѣненной обычнымъ плетеніемъ.

2 экземпляра моего собранія. Вѣсъ $20^{1}/_{2}$ и 20 долей.

№ 50. *Лиц. ст.* Штемпель очень грубой работы. Всадникъ съ соколомъ ѣдетъ не направо, а налѣво; рука, въ которой онъ держитъ поводъ, высоко поднята. Круговая надпись: .....ЄВЄЛКНВАСИВСЄ....

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущаго №, но арабская надпись (Султанъ Тохтамышъ и т. д.) исполнена нѣсколько лучше.

4 экземпляра моего собранія. Вѣсъ 21, 21, $20^{1}/_{2}$ и 17 долей.

№ 51. *Лиц. ст.* Всадникъ, скачущій направо. Рука, держащая поводъ, оттянута въ локтѣ назадъ; другой руки не видно. Подъ мордою коня—буса. Изображеніе окружено линейнымъ ободкомъ, вокругъ котораго надпись: КНАΣЬВЄМКНВАСНИАТРЄ

Об. ст. Подражаніе арабской надписи Тохтамыша-хана, болѣе или менѣе искаженной (нѣсколько варіантовъ об. ст.)

6 экземпляровъ моего собранія. Вѣсъ 21, 21, 21, 20, 20 и $19^{1}/_{2}$ долей.

№ 52. *Лиц. ст.* Всадникъ, ѣдущій направо и держащій въ рукѣ мечъ; за спиною всадника развѣвается короткій плащъ. Круговая надпись между двумя линейными ободками: ВЄЛ.....ΣЬВАСНАНН

Об. ст. Подобна об. № 51, но болѣе тщательно исполнена.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 22 доли.

№ 53. Лиц. и об. ст. подобны лиц. и об. предъидущаго №, но надпись лиц. ст: КНАZЬВЕЛИКИНВАСНАН

6 экземпляровъ (есть незначительные варіанты штемпелей) въ моемъ собраніи. Вѣсъ $22^1/_2$, 22, 22, 21, 21 и 21 доля.

№ 54. Лиц. и об. ст. какъ предъидущихъ двухъ №№, но мечъ у всадника длиннѣе и буквы круговой надписи замѣтно крупнѣе; по моимъ экземплярамъ можно возстановить: КНАZЬВЕМКНВАСН..

3 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ 22, 21 и 21 доля.

№ 55. Подобна предъидущимъ №№. Круговая надпись:

.....ЕЛИВАСН..НАИ.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ $21^1/_2$ доли.

№ 56. Тоже, но Круговая надпись: .....ВАСНИАТ..

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 21 доля.

№ 57. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№, но подъ мордою коня—двѣ бусы. Круговая надпись: КНАZЬВЕМКНВАСНИАТРЕ

Об. ст. Арабская надпись съ именемъ Тохтамыша въ четыреугольной рамкѣ.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 22 доли.

№ 58. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №, но подъ мордою коня двѣ бусы, надъ ея головою двѣ и подъ брюхомъ двѣ. Круговая надпись: КНАZЬВ....НВА.....А...

Об. ст. Обычная надпись съ именемъ Тохтамыша.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 22 доли.

№ 59. Подобна предъидущей монетѣ. Круговая надпись:

ВЕЛИКОГОКНАZЬВАСН..... (въ родительномъ падежѣ).

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 20 долей.

№ 60. *Лиц. ст.* Всадникъ такой-же, какъ на предъидущихъ №№, но развѣвающійся позади всадника плащъ изображенъ такъ неловко, что его можно принять за волосы или за заплетеную толстую косу. Буквы круговой надписи расположены основаніемъ къ краю штемпеля. Надпись гласитъ: КНАZЬВЕЛИКНВАСИАМИТРЕВ

Об. ст. Подобна об. №№ 58 и 59.

6 экземпляровъ (есть незначительные варіанты) въ моемъ собраніи. Вѣсъ: 23, 23, $22^1/_2$, 22, $20^1/_2$ и 19 долей.

№ 61. Монета, подобная описаннымъ подъ №№ 58 и 59, но буквы круговой надписи спутаны или неумѣло выгравированы. Видна слѣдующая часть надписи: .... ИУЖИНАГО.....

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 22 доли.

№ 62. *Лиц. ст.* Всадникъ, какъ на предъидущихъ №№. Круговая надпись: КНАZЬВЕИКНВАСНИАТРЕ

Об. ст. Подобна об. ст. №№ 43—46, т. е. въ срединѣ штемпеля человѣческая голова въ кружкѣ, раздѣляющемъ татарскую надпись.

11 экземпляровъ въ моемъ собраніи (незначительные варіанты штемпелей, особенно об. ст.). Вѣсъ: $22^1/_2$, 22, 22, 22, 22, 22, $21^1/_2$, $21^1/_2$, 21, 19 и 18 долей.

№ 63. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №. Круговая надпись: КНАZЬВЕИКНВАСНИАТРЕ

Об. ст. Подобна об. ст. №№ 47 и 48: Человѣческая голова по срединѣ не въ кружкѣ. Голова эта очень небольшихъ размѣровъ и при мало-мальски плохой сохранности монеты съ трудомъ распознается, получая совсѣмъ безформенный видъ. Арабская надпись окружена ободкомъ изъ бусъ.

11 экземпляровъ въ моемъ собраніи. Вѣсъ: $21^1/_2$, 21, 21, $20^1/_2$ $20^1/_2$, 20, 20, 20, 20, $19^1/_2$, $19^1/_2$ долей.

№ 64. *Лиц. ст.* подобна лиц. ст. предъидущаго №. Круговая надпись, вѣроятно, таже, какъ на № 63.

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущаго №, но арабская надпись заключена въ четыреугольную рамку.

13 экземпляровъ въ моемъ собраніи. Вѣсъ: 22, 22, 22, 21, 21, 21, $20^1/_2$, $20^1/_2$, 20, 20, 20, 20, 20 долей.

№ 65. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№, но подъ конемъ такъ наз. „тамга“. Отъ круговой надписи сохранилась только незначительная часть: ....ВЕЛИКИВ..... (буквы крупныя).

Об. ст. Арабская надпись (Тохтамыша) безъ человѣческой головы.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 20 долей.

№ 66. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №.; подъ конемъ „узелъ". Круговая надпись: АСЕПЄУАТЬВЄЛНКОГОК...А

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущаго №.

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ 21 и 20 долей.

№ 67. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №, но круговая надпись, читаемая справа налѣво: ...МДЊНЭЬЯНЖ.....

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущей монеты.

Экземпляръ въ собраніи П. В. Зубова.

№ 68. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№, но подъ конемъ—человѣческая голова въ профиль направо. Круговая надпись:

ПЄУАТЬКН.....КОГОВАСНЛ

Об. ст. Подражаніе арабской надписи въ двойномъ ободкѣ, линейномъ и изъ бусъ. Буквенные знаки очень мелкіе.

3 экземпляра въ моемъ собраніи (изъ нихъ два изъ Рузскаго клада). Вѣсъ 18, 18 и 15 долей.

№ 69. Лиц. и об. ст. подобны лиц. и об. предъидущаго №, но круговая надпись, читаемая справо налѣво, причемъ основаніе буквъ обращено къ внѣшнему ободку штемпеля. .....ЭАВОТОЖН.....

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 18 долей.

Примѣчаніе. Хотя типъ монетъ, описанныхъ подъ №№ 68 и 69, и соотвѣтствуетъ другимъ монетамъ Василія Дмитріевича, но вѣсъ ихъ, а также фактура штемпелей (особенно подражаніе арабскимъ надписямъ) заставляютъ колебаться, относить ли ихъ ко времени этого государя, или же ко времени его сына, Василія Темнаго. Лично я склоненъ, однако, приписывать ихъ княженію Василія Дмитріевича.

№ 70. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №, (подъ лошадью—человѣческая голова). Круговая надпись:

ВЄЛН.....АВАС...

Об. ст. Подражаніе штемпелю татарской деньги Тохтамыша.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 20 долей.

№ 71. Подобная предъидущей монета. Круговая надпись лиц. ст.

.....КНВАСНЛЄН....

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ $21^1/_2$ доли.

№ 72. Подобная предъидущимъ монета, но изображеніе всадника съ человѣческою головою подъ лошадью окружено ободкомъ изъ крупныхъ бусъ. Круговой надписи, повидимому, нѣтъ.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 20 долей.

№ 73. *Лиц. ст.* Всадникъ, ѣдущій направо, въ рукѣ его копье, которымъ онъ колетъ голову змѣя, изображенную подъ передними ногами коня. Круговая надпись между линейными ободками: КНАЗЬВЕЛИКИВАСНАМ

Об. эт. Арабская надпись: السلطان تو‖××××‖قتامش‖خان خلد

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 22 доли.

№ 74. Монета, подобная предъидущей. Круговая надпись лиц. ст. КНА.....ЛННД

Экземпляръ собранія П. В. Зубова.

№ 75. Лиц. и об. ст. подобны лиц. и об. предъидущихъ двухъ №№. Круговая надпись лиц. ст.: КНАЗДВЕЛИКО..ВАСНЛІ

2 экземпляра (варіанты по об. ст.) въ моемъ собраніи. Вѣсъ 22 и 22 доли.

№ 76. Лиц. и об. ст. подобны лиц. и об. предъидущихъ №№. Круговая надпись: КНАЗДВЕЛИКОВОВЧСНЛ

4 экземпляра моего собранія (незначительные варіанты). Вѣсъ $22^1/_2$, $22^1/_2$, 22 и 22 и 22 доли.

№ 77. Тоже, но круговая надпись: КНАЗЬВЕЛИКИВАЕЛИ, причемъ первая и послѣдняя буквы начертаны слитно.

4 экземпляра моего собранія (незначительные варіанты). Вѣсъ $22^1/_2$, $22^1/_2$, $22^1/_2$ и 22 доли.

№ 78. Тоже, но въ концѣ круговой надписи точка: ...АСНЛИ•

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 22 доли.

№ 79. Тоже, но круговая надпись, исполненная болѣе крупнымъ шрифтомъ: ВЕЛИКИНИКНАЗЬВАСНЛИІ первая и послѣдняя буквы изображены слитно.

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ 22 и 21 доля.

№ 80. Тоже, но круговая надпись исполнена мелкимъ шрифтомъ. 2 экземпляра моего собранія. Вѣсъ 23 и 22 доли.

№ 81. Подобная предъидущимъ монета, но грубой работы. На лиц. ст.—слѣды надписи: ..... АСНЛ..... На об. ст. грубое подражаніе арабской надписи.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 23 доли.

№ 82. *Лиц. ст.* Всадникъ, ѣдущій направо, съ соколомъ на правой рукѣ. Изображеніе помѣщено въ линейномъ ободкѣ. Круговая надпись: АЄНЬГИКОЛОМЬСІК..

Об. ст. Шестистрочная надпись:

Три экземпляра въ собр. Имп. Эрмитажа. Вѣсъ $19^1/_2$, $17^1/_2$ и $14^1/_2$ долей (послѣдній экземпляръ потертъ). Всѣ три экземпляра чеканены тѣми-же самыми штемпелями.

№ 83. *Лиц. ст.* Въ линейномъ ободкѣ изображеніе звѣря (льва?), идущаго направо; надъ нимъ изображеніе скорпіона (въ условной формѣ зодіакальнаго знака); круговая надпись: ....ЬВЄЛНІЄИВАСИЛ... Вокругъ надписи—двойной ободокъ, линейный и изъ бусъ.

Об. ст. Человѣческая голова въ профиль влѣво, въ линейномъ кружкѣ. Впереди головы пять бусъ, сзади двѣ. Круговая арабская въ двойномъ ободкѣ, линейномъ и изъ бусъ (нѣсколько искаженная):

السلطان تو ‖ فتا مش ‖ خان خلد (т. е. Султанъ Тохтамышъ-ханъ, да продлится его жизнь).

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 22 доли.

№ 84. Тоже, но на об. ст. передъ головою четыре бусы и бусъ позади головы нѣтъ.

2 экземпляра моего собранія. Вѣсъ 22 и 22 доли.

№ 85. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№. Круговая надпись: КНАЗЬ.....ВАСНЛІН

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущихъ №№., но болѣе небрежной работы.

2 экземпляра моего собранія. Вѣсъ 22 и 22 доли.

№ 86. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№, но подъ звѣремъ знакъ ∩. Круговая надпись: КНАЗЬВЕЛИСИВАСИЛ, причемъ первая и послѣдняя буквы слиты.

Об. ст. Подобна об. ст. № 83, но передъ головою четыре бусы.

2 экземпляра (варіанты) моего собранія. Вѣсъ $22^1/_2$ и 22 доли.

№ 87. Тоже, но надпись лиц. ст. КНАЗЬВЕЛИКИВАСИЛН

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ $22^1/_2$ доли.

61280

№ 88. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. №№ 86 и 87. Круговая надпись схожа съ надписью предъидущаго №.

Об. ст. Подобна об. ст. № 85.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 22 доли.

№ 89. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№, но подъ ногами звѣря никакого знака нѣтъ, а подъ мордою его нѣчто вродѣ трилистника. Круговая надпись: КНАЗЬВ.....НАЧ

Об. ст. Обычная арабская надпись, означающая: Султанъ Тохтамышъ ханъ, да продлится жизнь его.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 22 доли.

№ 90. *Лиц. ст.* Въ линейномъ кружкѣ арабская надпись, являющаяся копіею съ монетъ хана Джанибека.

Вокругъ кружка, въ линейн. ободкѣ: .....КНАЗАВАСНЛЬДАМ

Об. ст. Арабская надпись, заключающая въ себѣ слова „нѣтъ Божества кромѣ Бога“ и скопированная съ деньги хана Узбека, 717 года мусульманскаго лѣтосчисленія (=1318 по Р. Хр.)

4 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ: $22^1/_2$, 22, 21 и 21 доля.

№ 91. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №. Круговая надпись: ВЕЛИКОБОКНАЗАВАСН..А

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущаго №, но болѣе грубой фактуры и надпись окружена двойнымъ ободкомъ, линейнымъ и изъ крупныхъ бусъ.

2 экземпляра моего собранія. Вѣсъ 22 и 21 доля.

№ 92. *Лиц. ст.* Арабская надпись въ линейномъ кружкѣ, являющаяся копіею съ типа денегъ хана Джанибека.

Вокругъ арабской, въ линейномъ ободкѣ, круговая надпись:

ПЕYРТЬІГНАZ.....КОГОВАСИЛЬА

Об. ст. Въ линейномъ кружкѣ неумѣлое подражаніе арабской надписи. Вокругъ арабской остатки надписи (можетъ быть, русской или искаженной арабской), которая на имѣющихся у меня экземплярахъ не можетъ быть разобрана.

3 экземпляра моего собранія. Вѣсъ 22 д. 22 д. и $25^{1}/_{2}$ долей.

№ 93. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №. Круговая надпись: ПЕYЧТЬКНАZАВЕЛН.КОГОВР

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущаго №, но круговая надпись видна ясно и, на мой взглядъ, представляетъ подражаніе арабской:

4 экземпляра моего собранія. Вѣсъ $22^{1}/_{2}$, 22, $21^{1}/_{2}$ и 21 доля.

Примѣчаніе. А. В. Орѣшниковъ въ своемъ описаніи монетнаго собранія Московскаго Историческаго Музея (Русскія Монеты до 1547 года), на стр. 185., приписавъ монеты, описанныя мною подъ №№ 92—97. Нижегородскому князю Василію Кирдяпѣ высказываетъ предположеніе, что непонятныя письмена, на нихъ, могутъ представлять „тайнопись". Я вижу въ нихъ обычное на русскихъ монетахъ XIV и XV вѣковъ подражаніе арабскимъ письменамъ.

№ 94. *Лиц. и об. ст.* подобны лиц. и об. предъидущаго №, но буквы круговой надписи крупнѣе.

3 экземпляра моего собранія. Вѣсъ: 23, 22 и 22 доли.

№ 95. Тоже, но надпись: ПЕVАТЬІZНА...ЕЛНКОГОВР

4 экземпляра моего собранія. Вѣсъ: 22, 22, 22 и 22 доли.

№ 96. Тоже, но надпись: ПЕYА...........КОГОВАСН

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 20 долей.

№ 97. Тоже, но буквы надписи перепутаны, причемъ онѣ повернуты справа на лѣво: .....ЯОТVАПСВО.....

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 21 доля.

№ 98. *Лиц. ст.* Орнаментальная голова (стилизованной Горгоны?) впрямь. Голова окружена линейнымъ ободкомъ. Между этимъ ободкомъ и наружнымъ, составленнымъ изъ крупныхъ бусъ, круговая надпись: ПЄVАТЬКНѦ....ЛКОВОВАС

Об. ст. Поясное изображеніе человѣка впрямь, держащаго въ правой рукѣ топоръ, а въ лѣвой кривую саблю. Изображеніе заключено въ линейный ободокъ, между которымъ и наружнымъ ободкомъ, изъ крупныхъ бусъ, круговая надпись: ПЄVАѢКН..ѦВЄЛНКОГОВИСИ

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 20 долей.

№ 99. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №., но круговая надпись: ПЄVАѢКНѦ...ЄЛКОГОВИСІЛ..

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущаго №.; круговая надпись: ...ѢКНѦЪЬВЄЛ...ГОВАСІЛИ

2 экземпляра моего собранія. Вѣсъ 20 и 18 долей (второй экземпляръ обломанъ).

№ 100. Подобна предъидущимъ №№., но на об. ст. буквы круговой надписи перепутаны. ПЄVѢАКНѢЪЬВЄЛ.....СНЛ

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 21 доля.

№ 101. Подобна предъидущимъ №№. Буквы круговой надписи об. ст. очень крупныя; видно только: ....ЬКНѦЪѦ..ЛНКО.....

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 21 доля.

№ 102. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№., но по сторонамъ головы Горгоны круг. надпись: ПЄVАТ.....ЄВЄ/КОГОВІСИЛѦ

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущихъ №№., но по сторонамъ головы фигуры по три бусы и надъ плечемъ руки, держащей саблю, буква. Круговая надпись: ПЄVАТЬКНѦЪѦВ....ОВОВАС

3 экземпляра моего собранія. Вѣсъ $21^1/_2$, 21 и 21 доля.

103. *Лиц. ст.* Человѣческая голова въ профиль направо, въ круглой татарской шапкѣ съ широкими загнутыми кверху полями и ша-

рикомъ наверху; передъ головою загнутая вѣтка съ тремя бусами (листьями или плодами) на концѣ. Изображеніе заключено въ линейный ободокъ, за которымъ круговая надпись КНАЗЬВЕЛИКОГОВАСНЛ ; вокругъ надписи ободокъ изъ бусъ.

Об. ст. Въ ободкѣ изъ бусъ подражаніе татарской надписи, причемъ черты, долженствующія изображать арабскія буквы, не даютъ никакого смысла.

Пять экземпляровъ моего собранія. Вѣсъ: $20^1/_2$, 20, $19^1/_2$, и 19 долей.

№ 104. Тоже, но болѣе грубой работы (голова больше размѣромъ). На одномъ изъ моихъ экземпляровъ сохранились буквы круговой надписи ...АВЕЛ... на другомъ ...ВАСИ...

2 экземпляра моего собранія. Вѣсъ 19 и $18^1/_2$ долей (плохой сохранности).

№ 105. Голова, какъ на №№ 101 и 102, но повернутая налѣво (отъ зрителя). Круговая подпись: ..А..ВЕЛИКОГОВАС...

3 экземпляра моего собранія. Вѣсъ 19, 19 и $18^1/_2$ долей (плохой сохранности).

№ 106. *Лиц. ст.* Поясное изображеніе человѣка направо (отъ зрителя); въ рукахъ онъ держитъ передъ собою топоръ и саблю; впереди головы три бусы ∴; позади фигуры надпись: РАРАІ вокругъ всего линейный ободокъ.

Об. ст. Въ линейномъ ободкѣ четырехстрочная надпись:

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 18 долей.

№ 107. *Лиц. ст.* Подобна предъидущей; впереди головы бусъ нѣтъ.

Об. ст. Подобна предъидущей, но буквы въ надписи расположены иначе:

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 18 долей.

№ 108. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №.

Об. ст. Надпись:

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 19 долей

№ 109. *Лиц.ст.* Подобна лиц. ст. двухъ предъидущихъ №№.

Об. ст. Надпись:

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ $18^1/_2$ долей.

№ 110. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№, но надпись позади фигуры всего въ четыре буквы: РАРА

Об. ст. Надпись:

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ $18^1/_2$ и 18 долей.

№ 111. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. № 106 (передъ головою фигуры три бусы), но надпись, какъ на № 110:

Об. ст. Надпись:

2 экземпляра (варіанта) въ моемъ собраніи. Вѣсъ 18 и $17^1/_2$ долей.

№ 112. *Лиц. ст.* Человѣческое лицо впрямь въ кружкѣ.

Круговая надпись: КНАЗЬВЕ[ЖНВАС]НИ , причемъ первая и послѣдняя буквы слиты.

Об. ст. Четырехстрочная надпись:

Эта сторона очень похожа на об. ст. предъидущаго № (111), но чеканена явно попорченнымъ штемпелемъ. Что именно штемпель

былъ попорченъ—видно изъ того, что поврежденія надписи на обоихъ имѣющихся у меня экземплярахъ деньги коснулись однѣхъ и тѣхъ-же буквъ.

2 экземпляра моего собранія. Вѣсъ $17^1/_2$ и $17^1/_2$ долей.

№ 113. *Лиц. ст.* Въ тройномъ ободкѣ, двухъ линейныхъ и, въ срединѣ, изъ крупныхъ бусъ, поясное изображеніе человѣка вправо съ топоромъ и мечемъ (прямымъ) въ рукахъ.

Об ст. Въ линейномъ ободкѣ четырехстрочная надпись:

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 14 долей (отломанъ кусочекъ).

№ 114. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущаго №.

Об. ст. Въ тройномъ ободкѣ, двухъ линейныхъ и изъ крупныхъ бусъ между ними, надпись:

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 17 долей.

№ 115. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№.

Об. ст. Подобна об. предъидущаго №., но надпись:

2 экземпляра (варіанты) моего собранія. Вѣсъ 17 и $16^1/_2$ долей.

№ 116. Подобна предъидущимъ монетамъ, но надпись об. ст.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 16 долей.

№ 117. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№., но въ рукахъ человѣческой фигуры не прямой мечъ, а кривая сабля.

Об. ст. Въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ и линейномъ:

5 экземпляровъ (есть варіанты) моего собранія. Вѣсъ 18, $17^1/_2$, $17^1/_2$, 17 и $15^1/_2$ долей.

№ 118. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. предъидущихъ №№., но передъ головою фигуры (надъ топоромъ) какой-то неясныхъ очертаній знакъ (звѣздочка? летящая птица?).

Об. ст. Подобна об. ст. предъидущаго №.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ $16^1/_2$ долей.

№ 119. *Лиц. ст.* Подобна лиц. ст. №№ 112—115, но подъ мечемъ буква и.

Об. ст. Копія съ татарской надписи, означающей Султанъ Токтамышъ-ханъ да живетъ долго.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ $16^1/_2$ долей.

№ 120. *Лиц. ст.* Голова въ профиль налѣво въ ободкѣ изъ бусъ; круговая надпись, тоже въ ободкѣ изъ бусъ: ПЕЧАТЬ ІСНА (судя по длинѣ стертаго мѣста, могли помѣститься еще буквы: ЗАВЕЛК)

Об. ст. Арабская надпись, въ три строки, означающая: Султанъ Токтамышъ-ханъ да живетъ долго.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 11 долей.

№ 121. *Лиц. ст.* Голова въ профиль налѣво въ линейномъ ободкѣ; круговая надпись, тоже въ линейномъ ободкѣ: КНАЗЬВЕЛИКИ , причемъ первая и послѣдняя буквы слиты.

Об. ст. Тоже надпись, какъ на об. ст. № 120.

2 экземпляра въ моемъ собраніи. Вѣсъ 11 и 11 долей.

№ 122. *Лиц. ст.* Голова въ профиль направо въ ободкѣ изъ бусъ, круговая надпись въ линейномъ ободкѣ: КНАЗЬВЕЛИКІЕ

Об. ст. Та-же надпись, какъ на об. ст. предъидущихъ №№.

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 11 долей.

№ 123. *Лиц. ст.* Погрудное изображеніе человѣка въ профиль, въ рукѣ онъ держитъ вѣтку съ тремя листьями или плодами, какъ на №№ 103—105. Круговая надпись: ...АЬВЕАНКІЕ (послѣднія двѣ буквы неясны, но мнѣ кажется, что я могу ихъ прочесть).

Об. ст. Въ квадратной рамкѣ надпись:

ІСНАЗ
БВЕЛН
ІСІВАС

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 9 долей.

№ 124. *Лиц. ст.* Въ линейномъ кружкѣ погрудное изображеніе человѣка налѣво съ саблею въ рукѣ, подобное находящемуся на №№ 2—4. Передъ лбомъ фигуры—буса. Круговая надпись не сохранилась.

Об. ст. Четырехстрочная надпись:

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 9 долей.

№ 125. *Лиц. ст.* Человѣческая голова направо въ трехъ ободкахъ, линейномъ и двухъ бусовыхъ.

Об. ст. Трехстрочная надпись:

Экземпляръ моего собранія. Вѣсъ 9 долей.

№ 126. *Лиц. ст.* Всадникъ, ѣдущій направо съ мечемъ въ рукѣ; подъ лошадью человѣческая голова, лицемъ кверху. Круговая надпись: ПЄЧАТЬК·AZABЄЛНК·

Об. ст. Подражаніе арабской надписи.

3 экземпляра въ моемъ собраніи; всѣ три изъ Рузскаго клада (неважной сохранности). Вѣсъ: 18, 16 и 15 долей.

№ 127. Подобная предъидущей монета, но подъ ногами лошади, вмѣсто головы—двѣ бусы, а подъ мордой лошади три бусы.

Экземпляръ моего собранія изъ того-же клада (плохой сохранности). Вѣсъ: 13 долей.

№ 128. *Лиц. ст.* Всадникъ въ коронѣ и съ мечемъ въ рукѣ, ѣдущій направо. Изображеніе окружено бусовымъ ободкомъ.

Об. ст. Подражаніе арабской надписи въ четыре строки.

Пять экземпляровъ моего собранія, изъ которыхъ три входили въ составъ Рузскаго клада. Вѣсъ: 18, 18, 17, 17 и 17 долей.

Описанные мною выше типы и разновидности денегъ Великаго Князя Московскаго „и всея Руси“ Василія Дмитріевича, въ огромномъ большинствѣ, входятъ въ составъ моего собранія, но при составленіи ихъ списка, мною были просмотрѣны и приняты во вниманіе наиболѣе крупныя коллекціи русскихъ монетъ, а именно: Великаго Князя Георгія Михаиловича, Эрмитажа, Московскаго Историческаго Музея и П. В. Зубова (въ Москвѣ). Такимъ образомъ, если составленный мною перечень монетъ этого княженія и не можетъ считаться полнымъ, не претендуетъ на значеніе „Corpus nummorum moscovitarum“ времени Василія Дмитріевича, то какъ *предварительная* работа, по имѣюшемуся подъ рукою матеріалу, является довольно обширнымъ и, я надѣюсь, облегчитъ дальнѣйшія изысканія въ этой области. Во всякомъ случаѣ, описаніе свыше 260 экземпляровъ денегъ, приписываемыхъ мною Василію Дмитріевичу, распредѣленныхъ на 128 отдѣльныхъ №№, съ такимъ-же количествомъ фототипическихъ воспроизведеній этихъ монетъ, дастъ интересующемуся вопросомъ гораздо болѣе обширный матеріалъ, чѣмъ тотъ, какимъ доселѣ располагали русскіе нумизматы.

Я намѣренно сказалъ „приписываемыя“ мною Василію Д-чу деньги, такъ какъ, при современномъ состояніи русской нумизматической науки, говорить съ полною увѣренностью объ отнесеніи монетъ къ этому княженію можно, подразумѣвая только тѣ типы, на которыхъ встрѣчается надпись: „Великій Князь Василій Дмитріевичъ всея Руси“. Такъ именоваться могъ *только* Московскій великій князь, сынъ Донского. Это обстоятельство было уже подмѣчено А. В. Орѣшниковымъ, и въ этомъ отношеніи нельзя съ нимъ не согласиться всецѣло. Однако, добросовѣстный и знающій авторъ „Описанія Русскихъ монетъ до 1547, принадлежащихъ Историческому Музею“, не ограничился этимъ вѣрнымъ указаніемъ, но пошелъ дальше въ своихъ предположеніяхъ, выдѣливъ цѣлую серію монетъ, приписывавшихся раньше тому-же Великому Князю, и отнеся ихъ къ современнику Василія Дмитріевича, Василію, тоже Дмитріевичу, Суздальско-Нижегородскому, извѣстному подъ прозвищемъ Кирдяпы. Хотя составитель „Описанія“ и оговорился, что не считаетъ свое опредѣленіе окончательнымъ и предоставляетъ рѣшеніе вопроса будущему, болѣе счастливому времени, когда мѣстныя находки монетъ подтвердятъ, можетъ быть, его предположенія, онъ выдѣлилъ, однако, цѣлыя группы вновь опредѣленныхъ имъ „предположительно“ монетъ и описалъ ихъ въ качествѣ нумизматическихъ памятниковъ Суздальско-Нижегородскаго великаго княжества.

Такъ какъ я съ ходомъ доказательствъ, а, слѣдовательно, и съ выводами уважаемаго мною собрата-нумизмата несогласенъ, то нахожусь въ необходимости поспорить съ нимъ на этихъ страницахъ, несмотря на все мое нежеланіе вводить полемическій характеръ въ мою статью. Къ возраженію А. В. Орѣшникову меня принуждаетъ признаваемая какъ мною лично, такъ и вообще всѣми русскими нумизматами авторитетность его мнѣній въ нашей области археологіи, основанная на долгомъ и обширномъ опытѣ и на дѣйствительно добросовѣстномъ отношеніи къ предмету его изысканій.

Прежде, чѣмъ приступить къ критическому разбору соображеній и доказательствъ искренно уважаемаго мною хранителя Историческаго Музея, постараюсь возстановить внѣшній, такъ сказать, ходъ его работы при каталогизаціи монетъ съ именемъ Василія, или тѣхъ денегъ, которыя приписывались ранѣе княженію Василія Дмитріевича.

Взявшись за каталогизацію монетъ, приписывавшихся доселѣ сыну Донского, А. В. Орѣшниковъ, совершенно естественно, замѣтилъ, что часть ихъ несомнѣнно относится къ его княженію: это тѣ, на которыхъ имѣется титулатура „Всея Руси“; къ нимъ могутъ быть присоединены типы, съ ними вполнѣ схожіе, хотя-бы на нихъ этихъ словъ не находилось. Опредѣленіе всего остального, подлежавшаго разбору, матеріала относимыхъ къ этому княженію монетъ возбудило въ немъ сомнѣніе. Увеличиваясь, это *сомнѣніе* превратилось у него очевидно, въ *убѣжденіе*, что нѣкоторыя монеты *не* принадлежатъ къ княженію Василія Дмитріевича. Основательно-ли было такое *убѣжденіе*, или нѣтъ—объ этомъ скажемъ ниже, но разъ оно появилось, оно обязывало классификатора не помѣщать монетъ, непринадлежащихъ къ княженію Василія Дмитріевича, въ серію денегъ, не возбуждавшихъ въ немъ такого сомнѣнія. Это, конечно, ясно. Но какъ поступить дальше? Самымъ простымъ и осторожнымъ рѣшеніемъ было-бы отнести монеты къ разряду, увы, и безъ того столь многочисленному, *неопредѣленныхъ* денегъ. Еслибъ у автора классификаціи не сложилось убѣжденія, а было-бы только *сомнѣніе*, то онъ могъ-бы прибѣгнуть къ другому способу: оставить монеты въ серіи, принадлежащихъ къ княженію Московскаго Василія Дмитріевича, и оговорить только свое отношенію къ ихъ опредѣленію. Наконецъ, третій путь — постараться, опровергнувъ старую классификацію, подыскать новое опредѣленіе. А. В. Орѣшниковъ прибѣгъ именно къ этому третьему способу, отнеся сомнительныя монеты къ одноименнику московскаго великаго князя, Василію Дмитріевичу Кирдяпѣ. Правда, повторяю и подчеркиваю это,

онъ, по присущей ему добросовѣстности, оговорился, что его опредѣленія слѣдуетъ почитать „предположительными“. Но что въ этомъ? Вѣдь если мѣрить одною мѣркою и взвѣшивать на однихъ вѣсахъ, то для того, чтобы поставить надъ описаніемъ сомнительныхъ монетъ заголовокъ: „Князь Василій Дмитріевичъ Кирдяпа“ и т. д., необходимо было существованіе внутренняго *убѣжденія* автора въ вѣрности своего новаго опредѣленія, такъ какъ, еслибъ онъ *лично* серьезно сомнѣвался въ немъ, онъ долженъ былъ-бы выкинуть описаніе монетъ, о которыхъ рѣчь, изъ-подъ заголовка съ именемъ Кирдяпы, какъ сдѣлалъ онъ это при описаніи денегъ подъ заголовкомъ: „Великій Князь Василій Дмитріевичъ“ (Московскій), и описать ихъ подъ рубрикою *неопредѣленныхъ*, высказавъ свои предположенія въ примѣчаніяхъ, какъ онъ это сдѣлалъ относительно многихъ другихъ монетъ.

Эти строки написаны мною *не* въ укоризну автору „Каталога Историческаго Музея“, а только въ объясненіе того факта, что большинство русскихъ нумизматовъ послѣ появленія въ 1896 году „Русскихъ монетъ до 1547 года“ завели въ своихъ собраніяхъ отдѣлы Дмитрія Константиновича, Бориса Константиновича, Василія Дмитріевича, Ивана Васильевича Суздальскихъ и Суздальско-Нижегородскихъ, ссылаясь на авторитетъ А. В. Орѣшникова, игнорируя его оговорки и безусловно признавая его опредѣленія. Я хотѣлъ указать, что авторитетность и опытность его въ вопросахъ до-петровской нумизматики давали право любителямъ-собирателямъ считать, что А. В. Орѣшниковъ лично убѣжденъ въ правильности своихъ опредѣленій, только по присущей ему добросовѣстности указавъ на свои сомнѣнія.

Такъ какъ я не могу раздѣлять убѣжденія А. В. Орѣшникова въ основательности предложенныхъ имъ опредѣленій, то принужденъ заняться этимъ вопросомъ подробнѣе, чѣмъ я внутренно желалъ-бы: вопросъ далеко не такъ выясненъ, какъ хотѣлось-бы вѣрить многимъ русскимъ нумизматамъ.

Обратимся теперь къ разбору соображеній А. В. Орѣшникова по данному вопросу и системы его доказательствъ.

1) Первое положеніе, устанавливаемое имъ, то, что начало чеканки монетъ въ XIV вѣкѣ, въ Россіи вообще, не можетъ быть относимо ко времени ранѣе Дмитрія Ивановича Донского (1362—1389, или даже, какъ предполагалъ Френъ, ко времени конца его княженія, т. е. не ранѣе 1383 г.). Противъ этого положенія пока спорить нельзя, не имѣя на то рѣшительно никакихъ данныхъ (см. „Русскія монеты до 1547 г.“ стр. 81).

2) Отнесеніе монетъ съ именемъ великаго князя Димитрія Донскому не можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ вопросомъ, такъ какъ одновременно съ Димитріемъ Московскимъ на Нижегородскомъ столѣ сидѣлъ его соименникъ, великій князь Димитрій Константиновичъ, отрицать монеты котораго „нѣтъ причинъ“ (стр. 86 назв соч.).

3) А. В. Орѣшниковъ „описываетъ монеты съ именемъ Димитрія *пока*, какъ принято, и *что очень вѣроятно*, какъ монеты Дмитрія Донского“ (ib., стр. 86), а къ княженію Димитрія Константиновича (княжилъ съ 1365 по 1383 г.) относитъ деньги, которыя Шубертъ относилъ къ Дмитрію Михайловичу Тверскому († 1325 г.), а Чапскій къ Дмитрію Донскому. „Если“, говоритъ Орѣшниковъ: „вышеописанныя монеты (т. е. описанныя имъ на стр. 87—88, какъ монеты Дмитрія Ивановича Московскаго) съ именемъ в. к. Димитрія, принадлежатъ Димитрію Донскому, то наши монеты подъ №№ 840 и 841 (т. е. описанныя на стр. 176—177, какъ монеты Димитрія Константиновича), по ихъ внѣшнимъ признакамъ, никоимъ образомъ не могутъ сравниться съ московскими...“ Такимъ образомъ, остается Дмитрій Константиновичъ, къ которому онъ и относитъ, *предположительно*, эти монеты... (стр. 176 назв. соч.) [1]).

4) В. кн. Василію Дмитріевичу приписывается много разновидностей монетъ, носящихъ имя Василія, причемъ не обращалось вниманія, сопровождалось-ли имя титуломъ великаго князя, или просто князя... Это обстоятельство, т. е. отсутствіе титула „великій князь“ заставило Орѣшникова выдѣлить всѣ монеты этого типа (т. е. Чертк. № 342, Табл. А., рис. 4; на одной сторонѣ звѣрь и надпись „княжа васильева“, на другой арабская надпись) изъ московскихъ и приписать ихъ, конечно *предположительно*, современнику и соименнику Василія Московскаго — Василію Дмитріевичу Кирдяпѣ, князю Суздальскому, а потомъ великому князю Нижегородскому (ib. стр. 87).

5) Стиль монетъ „княжа васильева“ (см. выше, 4) послужилъ, по словамъ Орѣшникова, руководящею нитью при отнесеніи къ Кирдяпѣ цѣлаго ряда монетъ съ титуломъ великаго князя (ib).

6) Нѣтъ причинъ не допускать монетъ Василія Кирдяпы, какъ отстаивавшаго свою отчину и добившагося даже великокняжескаго стола (назв. соч., стр. 180).

7) Если мы знаемъ достовѣрныя монеты другихъ князей в. к. Суздальско-Нижегородскаго XV вѣка. и имѣемъ *возможность допустить*

1) Ср. ниже, стр. 31, табл. V рис. 129.

таковыя XIV вѣка, то отнести къ Василію Кирдяпѣ монеты мы имѣемъ *полное* основаніе (ib.)

8) Кн. Гагаринъ издалъ, въ Зап. Спб. Арх.-Нумизм. Общ., Т. I, стр. 165, табл. IX, рис. 1, монету съ надписью „печать князя великого се“... Руководясь татарскою надписью на монетѣ, съ именемъ хана Джанибека, царствованіе котораго совпадаетъ съ годами княженія Семена Ивановича Гордаго (1341—1353), кн. Гагаринъ и относитъ ее къ этому князю (тутъ-же кн. Гагаринъ приводитъ Чтеніе гр. Строгановымъ этой надписи „се печать великаго князя“, съ которымъ однако, не соглашается). Савельевъ въ „Монетахъ Джучидовъ“, стр. 147, отрицая возможность такой ранней... чеканки монетъ.., говоритъ, что она принадлежитъ Василію Дмитріевичу Московскому, такъ какъ на экземплярѣ, изданномъ кн. Долгоруковымъ, такого-же типа (Зап. Арх. Общ., т. III, стр. 45, табл. VI, № 34) ясно стоитъ *Ва* вмѣсто *Се*. По мнѣнію Орѣшникова, отрицать правильность чтенія надписи и вѣрность рисунка у кн. Гагарина нѣтъ основанія, также какъ, безъ сомнѣнія, вѣрны рисунокъ и описаніе у кн. Долгорукова; а потому... существуютъ монеты, какъ съ именемъ Се(мена), такъ и подобныя съ именемъ Василія ...Такое совпаденіе типовъ двухъ монетъ съ двумя разными именами даетъ Орѣшникову поводъ подтвердить, что Василій и Семенъ, отнявъ у Бориса Нижній Новгородъ (Ник. Лѣт. IV, 156—157), утвердились въ немъ и втеченіе 4-хъ лѣтъ чеканили монеты съ великокняжескимъ титуломъ, описанныя авторомъ „Русскихъ монетъ до 1547 г.“ подъ №№ 867—873 (въ нашемъ описаніи №№ 93—97) (ib. стр. 180—181).

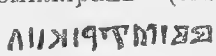
Къ этимъ восьми или, вѣрнѣе, семи (такъ какъ 1-е въ счетъ не идетъ) положеніямъ и сводятся нумизматическія и, если угодно, логическія доказательства правильности отнесенія спорныхъ монетъ къ княженію Василія Кирдяпы. Историческими соображеніями мы займемся позже, а пока остановимся на нумизматическихъ доводахъ и разсмотримъ ихъ одно за другимъ.

Къ помѣченному мною № 2-мъ утвержденію А. В. Орѣшникова можно присоединиться только съ оговоркою, или вѣрнѣе, выразивъ его въ иной, нѣсколько менѣе рѣшительной, формѣ. Все, что мы имѣемъ право въ данномъ отношеніи сказать, заключается въ слѣдующемъ: весьма вѣроятно (скажемъ даже, смѣлѣе,—для насъ несомнѣнно), чеканка монетъ послѣ долгаго перерыва возобновилась въ Россіи въ концѣ XIV вѣка. Въ какой части тогдашней Россіи, т. е. гдѣ именно, въ которомъ году, при какихъ условіяхъ и на основаніи какихъ и

чьихъ распоряженій она началась—документальными свѣдѣніями обо всемъ этомъ мы не обладаемъ. Намъ извѣстны монеты, могущія быть отнесенными, по цѣлому ряду внѣшнихъ признаковъ, къ XIV-му, а не къ XV-му вѣку, на которыхъ имѣется имя Димитрія. Прежде всего должна возникнуть мысль, что деньги эти носятъ имя Дмитрія Донского, игравшаго такую крупную роль въ исторіи Россіи именно въ эту эпоху. Приписанію монетъ съ этимъ именемъ ему, а не другому какому русскому князю, не препятствуютъ ни надписи на монетахъ (напр., имя хана Тохтамыша), ни историческія данныя, несмотря на то, что одновременно съ Донскимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ княжилъ другой Дмитрій (Константиновичъ), умершій ранѣе Донского на 6 лѣтъ. Если дозволено относить начало чеканки собственной монеты на Руси, послѣ долгаго перерыва (имѣю въ виду, конечно, древнѣйшія монеты Кіевскаго періода), къ послѣдней четверти XIV вѣка, то нѣтъ никакихъ ни историческихъ, ни логическихъ данныхъ предполагать, что это нововведеніе появилось сначала не въ Москвѣ, игравшей тогда уже главенствующую политическую роль и государи которой одни именовались „великими князьями всея Руси“. Допустимо, можетъ быть, предположеніе, что одновременно и въ подражаніе Московскимъ князьямъ, другіе князья, именовавшіеся тоже великими (какъ Нижегородско-Суздальскіе, Рязанскіе и Тверскіе), завели у себя свою монету, но данныхъ для такого заключенія у насъ нѣтъ. Все, что мы можемъ утверждать, такъ это то, что категорически отрицать такую возможность мы пока не въ правѣ, не обладая необходимыми для этого документами или неоспоримо опредѣленными вещественными памятниками. Такимъ образомъ, я считалъ-бы вѣрнѣе и осторожнѣе замѣнить слова А. В. Орѣшникова: „нѣтъ причинъ отрицать существованіе монетъ Дмитрія Константиновича“ другою фразою, а именно: нѣтъ причинъ утверждать вѣроятность существованія монетъ Дм. Константиновича. О большей или меньшей вѣроятности отрицанія или утвержденія скажу нѣсколько словъ ниже, а теперь перехожу къ даннымъ, приведеннымъ мною подъ пунктомъ 3-мъ.

Жаль, что А. В. Орѣшниковъ яснѣе не развилъ свою мысль о *вѣроятности* (его подлинныя слова: „что очень вѣроятно“) приписанія Донскому монетъ, описанныхъ имъ подъ именемъ этого князя, такъ какъ едва-ли вѣроятность эта основывается только на томъ фактѣ, на который онъ указалъ въ выноскѣ на стр. 86: „за принадлежность монетъ Дмитрію Московскому, а не Нижегородскому, могутъ, *отчасти*, служить монеты съ типомъ пѣтуха, извѣстныя съ име-

немъ Дмитрія и Василія Дмитріевича“. Приходится сожалѣть о такомъ умолчаніи потому, что еслибы онъ ясно привелъ свои доводы въ пользу „вѣроятности“, то выводы у него получились-бы, можетъ быть, иные при дальнѣйшей классификаціи монетъ. Впрочемъ, я не желаю придираться къ словамъ, и допускаю, что фраза „что очень вѣроятно“ является случайнымъ оборотомъ рѣчи, которому авторъ непридавалъ особаго значенія.

Не опровергнувъ, но и не подтвердивъ никакими доводами опредѣленіе денегъ, и ранѣе приписывавшихся Донскому, А. В. Орѣшниковъ обратился къ другой монетѣ, приписанной ему только однимъ изъ его предшественниковъ, а именно, гр. Чапскимъ (№ 379), а Шубертомъ и Сонцовымъ—Дмитрію Михайловичу Тверскому. Ее онъ приписалъ, опять-таки, конечно, *предположительно,* вел. князю Дмитрію Константиновичу. Кромѣ нея, тому-же князю приписана монета съ изображеніемъ летящей птицы. На послѣдней еще можно прочесть замѣчательно грубо вырѣзанныя буквы АМІ , но что касается первой, то имѣвъ случай видѣть много экземпляровъ, обладая самъ шестью недурными экземплярами ея, я, признаться, никогда не могъ прочесть ни на одномъ полнаго имени Димитрія. Вотъ, что я вижу на своихъ экземплярахъ (см. Табл. рис. 129), читая притомъ справа налѣво:  : признаться, за исключеніемъ буквъ Б Т К , всѣ остальные знаки слѣдуетъ признать скорѣе за подражаніе буквамъ, чѣмъ за настоящія буквы.

Оба типа, приписанные А. В. Орѣшниковымъ Дмитрію Константиновичу, производятъ на меня впечатлѣніе не самостоятельныхъ композицій, а грубыхъ копій, и, во всякомъ случаѣ, не первоначальныхъ, оригинальныхъ типовъ. Они носятъ на себѣ отпечатокъ не архаичности, если такъ можно выразиться, а вырожденія, искаженія оригиналовъ, каковы-бы они не были. Выводить какія-либо заключенія, въ смыслѣ точныхъ опредѣленій, на основаніи такихъ грубыхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, типовъ монетъ, да еще по столь неполнымъ экземплярамъ, какими мы доселѣ обладаемъ, мнѣ кажется положительно неосторожнымъ. Я думаю, что слѣдуетъ съ этимъ подождать.

По пункту 4-му представляется мнѣ нелишнимъ замѣтить слѣдующее. Наименованіе кого-либо княземъ, а не великимъ княземъ, на нумизматическомъ памятникѣ кажется, на первый взглядъ, непреложнымъ доказательствомъ того, что монета не могла чеканиться въ области, подчиненной великому князю. Такое умаленіе титула, съ нашей точки зрѣнія, было-бы совершенно немыслимо. Но такъ-ли

оно было невозможно на Руси въ XIX вѣкѣ—остается вопросомъ открытымъ. Въ то время титулатуры не были такъ твердо установлены и не имѣли такого значенія, какъ позже. Соловьевъ въ IV томѣ своей исторіи (стр. 164 московск. изданія 1863—85 г.) говоритъ: „Прежде (до временъ Московскихъ) *князь* было общимъ, неотъемлемымъ названіемъ для всѣхъ членовъ Рюрикова рода, а старшій въ этомъ родѣ князь назывался великимъ, причемъ названіе *великій князь* придавалось иногда и младшему въ родѣ просто изъ учтивости, отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю. Въ описываемое время (XIV и начало XV вѣковъ) на сѣверѣ, при ослабленіи родовой связи, родового единства, при стремленіи князей къ особности, независимости, мы должны ожидать, что явится много князей, которые въ одно и тоже время будутъ величать себя названіемъ великихъ, и не обманываемся въ своихъ ожиданіяхъ: князья московскіе носятъ это названіе *по праву*, обладая постоянно старшимъ столомъ владимірскимъ, но въ то-же самое время *называютъ себя* великими князья тверскіе и рязанскіе; въ родѣ князей рязанскихъ—князья пронскіе, стремясь постоянно къ независимости, называютъ себя также великими; наконецъ, видимъ, что по прежнему, и тѣ младшіе удѣльные князья, которые въ офиціальныхъ памятникахъ никогда не смѣютъ называть себя великими, въ памятникахъ неофиціальныхъ, изъ учтивости, величаются этимъ названіемъ: такъ, св. Кириллъ Бѣлозерскій въ духовной своей называетъ великимъ княземъ удѣльнаго можайскаго, Андрея Димитріевича. Прежде, когда все вниманіе обращалось на родовыя отношенія князей, а не на владѣнія, старшему великому князю противополагались младшіе, но теперь, когда родовыя отношенія стали рушиться, отношенія же по владѣніямъ и зависимости начали выдвигаться на первый планъ, въ противоположность великому князю, для младшихъ являются названія удѣльныхъ и помѣстныхъ князей. Мы видѣли, что и прежде нѣкоторые князья назывались великими князьями всея Руси, какъ напримѣръ, Мономахъ, Юрій Долгорукій; въ описываемое время, изъ офиціальныхъ памятниковъ видимъ, что уже Іоаннъ Калита называется великимъ княземъ всея Руси и потомъ всѣ его преемники“... Я привелъ эту длинную выдержку изъ труда знаменитаго нашего историка, чтобы показать, насколько титулованіе въ древней Руси было запутано и мало устойчиво. Напомнимъ, что сами Великіе Князья Московскіе въ такихъ офиціальныхъ актахъ, каковыми были ихъ духовныя грамоты, имѣвшія государственное значеніе, постоянно титуловали своихъ супругъ не великими княгинями, а просто княгинями, своихъ сыновей

то князьями, то просто по имени, пропуская титулъ. Мы видимъ, что на тѣхъ самыхъ монетахъ, которыя насъ теперь занимаютъ, на деньгахъ, которыя мы всѣ, въ томъ числѣ и А. В. Орѣшниковъ, признаемъ несомнѣнно чеканенными отъ имени Василія Дмитріевича Московскаго, на однѣхъ проставленъ тутулъ „всея Руси“, а на другихъ, въ остальномъ вполнѣ имъ подобныхъ, эта титулатура совсѣмъ пропущена. Но вѣдь если говорить о значеніи титула, то ясно, что наименованіе в. князя *всея Руси*, присвоенное спеціально Московскимъ Государямъ, было куда важнѣе, чѣмъ титулъ великаго князя, на который претендовало одновременно нѣсколько владѣтельныхъ особъ. Такой пропускъ, такое умаленіе титула было-бы совершенно недопустимо по нашимъ современнымъ понятіямъ, но очевидно не возбуждало какого-либо недоразумѣнія въ XIV или въ XV вѣкѣ. И опять приходится повторить сказанное мною раньше: что мы знаемъ объ организаціи монетнаго дѣла въ Россіи временъ Донского и его сына? Можно сказать, ровно ничего. У насъ нѣтъ никакихъ ни официальныхъ, ни частныхъ извѣстій или хотя-бы намековъ на существованіе казенныхъ, княжескихъ монетныхъ дворовъ, не имѣемъ свѣдѣній о чеканкѣ монеты по распоряженію или подъ наблюденіемъ центральныхъ или мѣстныхъ властей. Мы можемъ предполагать, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, что денежное дѣло сдавалось на откупъ или на иныхъ, неизвѣстныхъ намъ пока условіяхъ, мастерамъ. Кто были эти мастера—мы не знаемъ, какъ и гдѣ работали—тоже. Судя по работѣ извѣстныхъ намъ штемпелей, умѣніе, а также грамотность этихъ мастеровъ были очень разнообразны и, во всякомъ случаѣ, очень высокихъ требованій къ нимъ не предъявлялось. Подходить къ произведеніямъ ихъ рукъ съ нашими современными требованіями, очевидно, нельзя, и если сами великіе князья въ официальныхъ актахъ иногда пропускали титулы, то ожидать, чтобы всѣ полуграмотные денежные мастера соблюдали правила точнаго титулованія на изготовляемыхъ ими штемпеляхъ, нѣтъ основанія.

Въ позднѣйшія времена, къ концу XV вѣка, а затѣмъ въ XVI и XVII-мъ, вопросъ о правильномъ титулованіи игралъ огромную роль, но въ XIV и началѣ XV-го этого, повидимому, еще не было, и можетъ быть, въ устахъ простонародья, къ которому принадлежали и денежные мастера, всѣ были князьями—и московскій великій, и верейскій или можайскій удѣльные. Для простолюдина каждый изъ нихъ былъ „нашъ князь“. Слѣдовательно, пропускъ „великаго“ могъ случиться такъ-же легко, какъ и явный пропускъ „всея Руси“.

Я не хочу этимъ сказать, что не слѣдуетъ совсѣмъ обращать вниманія на титулъ передъ именемъ на монетахъ, и признаю, что въ такомъ случаѣ, когда княжили одновременно въ двухъ областяхъ два Василія, изъ коихъ одинъ носилъ титулъ великаго князя, а другой просто князя, и когда мы встрѣчаемъ монеты съ надписями, однѣ, „в. кн. Василій“, а другія „князь Василій“—весьма естественно приписать ихъ двумъ лицамъ. Такое рѣшеніе вопроса естественно, а потому и вполнѣ законно; но не слѣдуетъ, мнѣ кажется, придавать такому обстоятельству чрезмѣрное, а тѣмъ болѣе рѣшающее значеніе: это значило-бы примѣнять теперешнія наши воззрѣнія къ эпохѣ и къ условіямъ, которыя намъ недостаточно извѣстны и къ которымъ они, можетъ быть, непримѣнимы. Однимъ словомъ, имѣя въ рукахъ монету съ именемъ просто Князя Василія, мы не въ правѣ a priori утверждать, что она *не могла* быть изготовлена отъ имени Великаго Князя Василія.

А. В. Орѣшниковъ совершенно вѣрно придаетъ важное значеніе въ дѣлѣ опредѣленія монетъ мѣсту находки отдѣльныхъ типовъ. Представимъ себѣ, что монеты съ надписью „княжа Васильева“ постоянно отыскивались-бы въ Москвѣ или въ предѣлахъ московской области того времени. Какой *можетъ* быть сдѣланъ изъ этого выводъ? Какому факту отдать предпочтеніе при опредѣленіи монетъ—мѣсту ли находокъ, или отсутствію въ титулѣ слова „Великій“? Я лично положительно склонился-бы въ пользу доказательства, почерпнутаго изъ мѣста *частыхъ* находокъ, и заключилъ-бы, что по тѣмъ или другимъ причинамъ въ XIV вѣкѣ не обращали особаго вниманія на ошибки въ титулѣ Великаго Князя на монетахъ, и считалъ-бы этотъ любопытный фактъ доказаннымъ на основаніи нумизматическаго матеріала, до тѣхъ поръ, пока не нашлось-бы болѣе убѣдительныхъ фактовъ въ пользу противнаго мнѣнія.

Итакъ, *пока*, принимая во вниманіе состояніе нашихъ свѣдѣній въ области русской нумизматики XIV вѣка, мы не имѣемъ возможности придавать *рѣшающаго* значенія факту одновременной чеканки монетъ съ однимъ именемъ, но съ различнымъ титулованіемъ, и заключать на основаніи его безаппеляціонно, что такія монеты принадлежатъ двумъ различнымъ княжествамъ.

Перехожу теперь къ 5-му пункту. А. В. Орѣшниковъ говоритъ, что одинъ опредѣленный типъ, съ надписью „княжа Васильева“, предположительно могъ-бы быть отнесенъ къ княженію Василія Кирдяпы, что и послужило ему указаніемъ для отнесенія цѣлаго ряда типовъ

къ тому-же княженію вслѣдствіе *однородности стиля*. Конечно, опредѣленіе однородности стиля дѣло весьма субъективнаго свойства: часто тамъ, гдѣ одинъ видитъ сходство, другой видитъ рѣзкое различіе именно въ стилѣ; притомъ самое выраженіе стиль очень неопредѣленно. Но предполагая, что мы съ А. В. Орѣшниковымъ понимаемъ подъ этимъ словомъ одно и то-же, я позволяю себѣ спросить, возможно-ли признать однородность *стиля* между изображенными у него монетами на табл. XV, рис. 710 и XV, рис. 727, 732 или 749 (на табл. XVI) и рис. 717 по 733 на табл. XV, которыя, однако, всѣ приписываются имъ Кирдяпѣ. Съ другой стороны, вѣдь и между отдѣльными типами, какъ А. В. Орѣшниковымъ, такъ и мною согласно приписываемыми княженію Василія Московскаго, существуетъ поразительная разнородность именно въ стилѣ (просилъ бы сравнить у Орѣшникова табл. VIII рис. 334—350 и 352—360; у меня 52—80 и 16—29. Инымъ словами, я рѣшительно отрицаю одинаковость „стиля“ или, вѣрнѣе, *фактуры*, (такъ какъ подъ стилемъ понимаю нѣчто иное) монетъ, отнесенныхъ А. В. Орѣшниковымъ къ Кирдяпѣ.

О пунктѣ 7 будетъ сказано мною ниже, а пока скажу по поводу его тоже, что говорилъ о 2-мъ пунктѣ: вѣрнѣе было-бы сказать, что *a priori* нѣтъ причинъ допускать, или не допускать существованія монетъ Василія Кирдяпы. Аргументовъ въ пользу чеканки монетъ по приказанію Кирдяпы А. В. Орѣшниковъ не представилъ, такъ какъ нельзя же признавать таковымъ фразу объ отстаиваніи имъ своей отчины и полученіи великокняжескаго стола (повидимому, вмѣстѣ съ братомъ), о чемъ будетъ у насъ рѣчь дальше.

Подъ пунктомъ 8-мъ мною изложены нумизматическіе доводы А. В. Орѣшникова, основанные на разсмотрѣніи монетъ, изданныхъ князьями Гагаринымъ и Долгоруковымъ. Съ чисто-нумизматической точки зрѣнія, въ этомъ пунктѣ должно-бы сосредоточиваться самое убѣдительное доказательство теоріи уважаемаго автора „Русскихъ монетъ до 1547 года“, еслибъ... оно оказалось пріемлемымъ. Къ сожалѣнію, этого сказать нельзя. Еслибъ нашлись двѣ монеты одинаковаго типа, несомнѣнно XIV вѣка, на одной изъ которыхъ „стояло-бы великаго князя (или просто „князя“) василія“ (или „вас“, наконецъ „ва“), а на другой „великаго князя (или „князя“) семена“ (или хотя-бы „сем“, „сим“), то обязательно пришлось-бы подумать о нижегородско-суздальскихъ братьяхъ Семенѣ и Василіѣ Дмитріевичахъ. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ, а дѣло въ томъ, что издана была кн. Гагаринымъ монета съ надписью: „п(ечать княз)я великого се“, т. е. такою над-

писью, что *можно* было, при желаніи и прибавивъ четыре буквы, прочесть „печать князя великаго семена“. Князь Гагаринъ не скрылъ, что предложено было и другое толкованіе буквъ „се“, не требовавшее добавленія четырехъ недостающихъ буквъ, а именно: „се печать князя великаго“, но отвергъ его на томъ основаніи, что такого оборота на русскихъ деньгахъ онъ не встрѣчалъ. Теперь это возраженіе не имѣетъ прежней силы, такъ какъ мною дважды (Древнѣйшія русскія монеты, т. 12 № 14 и монеты Псковскія, стр. 55) была издана псковская деньга съ надписью: „а се деньга псковьская“; „а се его серебро“ встрѣчается на русскихъ монетахъ XI вѣка и, наконецъ, на описанной мною выше подъ № 66 монетѣ, читается тоже: а се печать великого (князя). Итакъ, чтеніе надписи „се печать“ и т. д. нельзя нынѣ признавать недопустимымъ, какъ дѣлалъ это кн. Гагаринъ, а по полному сходству штемпелей этой монеты и другихъ, на которыхъ ясно читается имя „Василій“, хотя-бы въ сокращеніяхъ, есть полная возможность утверждать, что она чеканена денежникомъ того-же Василія, только съ пропускомъ имени князя. Что такой пропускъ—самая обычная вещь, извѣстно каждому русскому нумизмату. Приписывать монету съ буквами „се“ Семену столько-же основанія, сколько приписывать штемпель, на которомъ стоитъ И—Ивану, или Н—Николаю и т. д. Тѣмъ менѣе твердыхъ основаній связывать предполагаемаго Семена съ Василіемъ и отсюда дѣлать выводъ относительно того, какому Василію принадлежатъ монеты съ этимъ именемъ.

Такимъ образомъ, разборъ нумизматическихъ данныхъ, побудившихъ А. В. Орѣшникова предложить новую классификацію и приписать цѣлый рядъ типовъ Нижегородскому Великому Княжеству, привелъ меня къ отрицательному результату. Такъ какъ сдѣланное имъ распредѣленіе монетъ Василія и нѣкоторыхъ другихъ является послѣднею по времени и наиболѣе серьезною попыткою классифицировать столь трудно поддающійся изслѣдованію и объясненію нумизматическій матеріалъ, то мнѣ пришлось волей-неволей опредѣлить свое отношеніе къ этой попыткѣ—или согласиться, или несогласиться съ нею; обойти ее молчаніемъ я, конечно,не имѣлъ ни права, ни какихъ-либо основаній. Но разъ коснувшись ея, я обязанъ былъ отнестись къ ней съ полнымъ вниманіемъ, именно въ виду моего глубокаго уваженія къ личности и къ познаніямъ ея автора, а потому остановился на ней такъ подробно, не щадя ни его, ни себя, ни читателя. Скажу откровенно, мнѣ очень хотѣлось-бы согласиться въ разбираемомъ вопросѣ съ А. В. Орѣшниковымъ и классифицировать свой нумизма-

тическій матеріалъ по предложенной имъ системѣ, прикрывшись его авторитетомъ. Это было-бы тѣмъ пріятнѣе, что я самъ ничего новаго не предлагаю, ничего новаго не открылъ, и возвращаюсь, въ сущности, къ старымъ опредѣленіямъ. Что-же дѣлать, если я не могъ съ нимъ согласиться, по соображеніямъ, которыя я постарался изложить со всею доступною мнѣ ясностью и съ полною откровенностью? А вывысказаться когда-нибудь было необходимо, разъ намъ приходится заниматься однимъ и тѣмъ-же предметомъ изслѣдованія...

Ранѣе чисто-нумизматическаго разбора описанной мною серіи монетъ, считаю необходимымъ коснуться, хотя-бы въ немногихъ строкахъ, исторіи Василія Дмитріевича и его современниковъ, имѣя, конечно, въ виду историко-нумизматическія выводы.

Дмитрій Донской умеръ въ 1389 году, всего 39 лѣтъ отъ роду, пробывъ на престолѣ почти 27 лѣтъ. Его сынъ Василій Дмитріевичъ сѣлъ на отцовскій столъ юношею, но окруженный вѣрными совѣтниками и слугами отца. Уже черезъ годъ съ небольшимъ послѣ вступленія на престолъ онъ, получивъ отъ хана ярлыкъ на Нижегородское княжество, вступилъ въ борьбу съ Борисомъ Константиновичемъ (потомкомъ Александра Невскаго), немного ранѣе его утвержденнымъ тѣмъ-же ханомъ на Нижегородскомъ столѣ. Борьба эта была короткая: Василій взялъ Нижній, а Бориса заточилъ до его смерти, послѣдовавшей въ 1394 году. Борьбу возобновили племянники Бориса, Суздальскіе князья Василій и Семенъ Дмитріевичи, но успѣха, очевидно, имѣли мало: въ 1399 г. Семенъ, съ помощью татаръ, завладѣлъ Нижнимъ, но уже черезъ двѣ недѣли былъ выгнанъ оттуда московскими войсками. Послѣ этого, Семенъ скрывался въ татарскихъ владѣніяхъ, но когда въ 1401 году были пойманы его жена и дѣти и посажены въ заточеніе въ Москвѣ, Семенъ заключилъ съ Василіемъ Московскимъ миръ и, отправившись въ Вятку, умеръ тамъ. Его братъ Василій, прозванный Кирдяпою, тоже помирился съ Василіемъ и умеръ въ 1403 г. въ Городцѣ, повидимому, тамошнимъ княземъ (см. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 5—7). Эти два брата, т. е. Семенъ и Василій, очевидно, отличались безпокойнымъ характеромъ и производятъ впечатлѣніе, если такъ можно выразиться, политическихъ авантюристовъ. При Василіѣ Дмитріевичѣ, которому они приходились дядями по матери, ихъ звѣзда, какъ мы видѣли, уже окончательно закатилась, но въ княженіе Дмитрія Донского они играли, хотя и не-

Вел. Кн. Нижегородское.

завидную, но довольно дѣятельную роль: такъ, въ 1382 г. они сопровождали Тохтамыша въ его походѣ на Москву, и именно благодаря ихъ увѣреніямъ, что ханъ зла не сдѣлаетъ, москвичи впустили татаръ въ городъ, подвергшійся затѣмъ полному разгрому. Въ 1387 году, они съ помощью своего зятя, Дмитрія Донского, прогнали дядю, Бориса Константиновича, изъ Нижняго (Соловьевъ, т. III стр. 342—345 ст. Экземплярскій, Великіе и удѣльн. князья, II, стр. 425 и слѣд.). Братья, повидимому, владѣли этимъ городомъ, при поддержкѣ Донского, до смерти послѣдняго, т. е. около двухъ лѣтъ; затѣмъ были въ свою очередь, прогнаны дядею, Борисомъ, котораго окончательно лишилъ нижегородскаго стола, какъ указано выше, Дмитрій Васильевичъ, несмотря на ханскій ярлыкъ. Носили-ли когда-либо Семенъ и Василій титулъ Великихъ князей—мы не знаемъ; въ источникахъ великимъ княземъ ни тотъ, ни другой нигдѣ не названы, и уже поэтому одному можно думать, что они такого титула никогда не носили; напротивъ, Василій Кирдяпа называется княземъ Городецкимъ, такъ какъ получилъ Городецъ отъ хана. Изъ біографическихъ свѣдѣній о нихъ, нами здѣсь изложенныхъ, можно вывести только то заключеніе, что нѣтъ никакихъ причинъ предполагать, чтобы въ 1387—1389 г. чеканились монеты съ именемъ ихъ обоихъ или одного изъ нихъ (занимали они эти два года Нижній, повидимому, вмѣстѣ). Другого бремени, къ которому можно было-бы отнести такое сомнительное, само по себѣ, предположеніе, въ ихъ біографіи отыскать нельзя.

Вел. Кн. Рязанское.

Отношенія Василія Дмитріевича къ близкой Рязани были проще и спокойнѣе. Тамъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія, слѣдовательно, за время и всего княженія Донского, великимъ княземъ былъ Олегъ Ивановичъ (въ крещеніи Іаковъ), который умеръ въ 1402 году, т. е. на тринадцатомъ княженія въ Москвѣ Василія. Его сынъ и преемникъ, Ѳедоръ Олеговичъ былъ женатъ на родной сестрѣ Василія Дмитріевича, дочери Донского, Софьѣ (см. Экземплярскій, т. II, стр. 582—593). Рязанское княжество почти все это время терпѣло нетолько отъ постоянныхъ набѣговъ татаръ, но и отъ внутреннихъ раздоровъ. Василій поддерживалъ дѣятельно Ѳедора, который умеръ, повидимому, въ 1427 году, хотя лѣтописи не упоминаютъ о немъ, начиная уже съ 1409 г. Во всякомъ случаѣ, отношенія его къ Москвѣ были мирныя и даже союзныя. Сынъ Ѳедора, Иванъ упоминается въ лѣтописяхъ впервые подъ 1430 годомъ (ib. стр. 596), т. е. уже послѣ кончины Василія Дмитріевича Московскаго. Всѣ попытки приписать монеты княженіямъ Олега Ивановича и его сына Ѳедора слѣдуетъ

считать весьма сомнительными, хотя на основаніи историческихъ соображеній мы были-бы болѣе въ правѣ ожидать, что хотя-бы Ѳедоръ Ольговичъ чеканилъ монету, чѣмъ Нижегородскіе князья. Несомнѣнные нумиматическіе памятники Рязанской области начинаются только со времени княженія Ивана Ѳедоровича, т. е. со второй четверти XV вѣка.

Вел. Кн. Тверское.

Отношенія Москвы къ третьему Великому Княжеству, наиболѣе могущественному и самостоятельному, а именно къ Тверскому, были естественно нѣсколько осторожнѣе, чѣмъ къ первымъ двумъ. До 1399 года Тверскимъ Великимъ Княземъ былъ Михаилъ Александровичъ, старый союзникъ Литвы. Съ нимъ у Василія Дмитріевича были договорныя отношенія. Его сынъ Иванъ Михайловичъ (1399—1425 г.), хотя несомнѣнно и находился въ состояніи скрытой вражды и зависти къ Московскому Великому князю, но былъ занятъ во все время своего княженія преслѣдованіемъ своихъ родственниковъ, съ цѣлью объединенія всего великаго княжества въ своихъ рукахъ. Хотя преслѣдуемые имъ удѣльные князья тверскіе и спасались въ Москву, гдѣ находили убѣжище, а иногда и нѣкоторую помощь, но Иванъ Михайловичъ ни разу не посмѣлъ вступить въ открытую борьбу съ Василіемъ Дмитріевичемъ. Иванъ Михайловичъ старался играть роль „собирателя своей, тверской земли“ и не игралъ такой крупной „всерусской“ роли, какъ его отецъ, заклятый врагъ Донского съ 1368 года. Если обобщать теорію о началѣ чеканки монетъ въ XIV вѣкѣ, то прежде всего слѣдовало-бы предположить, что таковыя чеканились Тверскими Великими князьями, и въ частности, сравнительно могущественнымъ и дѣятельнымъ Михаиломъ Александровичемъ. Это—настолько естественное предположеніе, что фальсификаторы изготовили цѣлый рядъ поддѣльныхъ монетъ предшественниковъ Ивана Михайловича, поддѣвъ на нихъ многихъ старыхъ нумизматовъ, съ Чертковымъ во главѣ. Нынѣ можно съ увѣренностью утверждать, на основаніи извѣстнаго и изученнаго нумизматическаго матеріала, что въ Твери чеканка денегъ началась только съ Ивана Михайловича, современника Василія Дмитріевича, въ первой четверти XV вѣка, но не въ XIV-мъ.

Новгородъ и Псковъ.

Съ Новгородомъ у Василія Дмитріевича были постоянныя распри, недоразумѣнія и плохо скрываемая вражда вплоть до 1417 г. (Соловьевъ Т. IV, стр. 16). Заниматься разборомъ взаимныхъ обидъ и болѣе или менѣе крупныхъ столкновеній между Московскимъ великимъ княземъ и его Новгородскою „вотчиною“ мнѣ кажется здѣсь неу-

мѣстнымъ. Можно развѣ указать, что, несмотря на свободолюбіе Новгорода и старанія при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркнуть свою самостоятельность, большой „вольный“ городъ признавалъ вполнѣ извѣстнаго рода зависимость свою отъ Великаго Князя всея Руси и до полнаго разрыва съ нимъ дѣла не доводилъ.

Относительно времени начала чеканки монеты въ Новгородѣ мы имѣемъ твердую дату: мы знаемъ, что Новгородцы стали чеканить деньги въ концѣ княженія Василія Дмитріевича, а именно въ 1420 г. Нѣсколькими годами позже, повидимому, въ 1425 году началась чеканка монеты и „младшимъ братомъ“ Новгорода, Псковомъ.

Московскіе удѣлы.

Взаимныя отношенія въ самомъ родѣ князей Московскихъ, т. е. между Василіемъ Дмитріевичемъ и его ближайшими родственниками, требуютъ тоже нѣкотораго освѣщенія. Уже въ 1389 году Василій поссорился съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ (Храбрымъ). Но въ 1390 году помирился съ нимъ и далъ ему, въ придачу къ его наслѣдственному городу Серпухову, города Волокъ и Ржевъ; позже Великій князь обмѣнялся съ нимъ, взявъ обратно Волокъ и Ржевъ и давъ ему взамѣнъ Городецъ, Угличъ и Козельскъ (Соловьевъ Т. IV стр. 9). Умирая (въ 1410 г.), Владиміръ Андреевичъ поручилъ своихъ дѣтей, Ивана и Семена, покровительству Московскаго Великаго Князя.

По духовному завѣщанію Донского, младшіе братья Василія Дмитріевича получили слѣдующіе удѣлы: Юрій Дмитріевичъ Звенигородъ и Галичъ, Андрей Дмитріевичъ—Можайскъ и Бѣлоозеро, а Петръ Дмитріевичъ—Дмитровъ и Угличъ (см. Соловьевъ Т. III, стр. 364); младшему брату своему, Константину Дмитріевичу, великій князь отдалъ сравнительно незначительный удѣлъ—Тошню и Устюжну (ib. IV, стр. 10). Только младшій братъ, Константинъ, считая себя обдѣленнымъ, выказалъ нѣкоторое неповиновеніе и бѣжалъ въ Новгородъ, но вскорѣ вернулся въ Москву и былъ прощенъ. Остальные братья оставались въ полномъ почти подчиненіи старшему и исполняли приказанія и порученія Великаго Князя, хотя къ брату Юрію Василій, повидимому, питалъ нѣкоторое недовѣріе, зная, что онъ не желалъ признавать старшаго сына Великаго князя, Василія Васильевича, законнымъ наслѣдникомъ отца на великомъ княженіи.

Мы имѣемъ монеты съ именами почти всѣхъ ближайшихъ родственниковъ Василія Дмитріевича, а именно: дяди его Владиміра Андрѣевича Серпуховскаго (а также сына его Семена), и братьевъ Юрія Дмитріевича Галичскаго, Андрея Дмитріевича Можайскаго и

Петра Дмитріевича Дмитровскаго. Изъ князей, не связанныхъ родствомъ съ Московскимъ Великимъ Княземъ, но бывшими на положеніи удѣльныхъ московскихъ, слѣдуетъ здѣсь упомянуть объ Андреѣ Ѳедоровичѣ Ростовскомъ (см. Экземплярскій, II стр. 40 и слѣд.). Объ этомъ князѣ извѣстно, что онъ умеръ въ 1409 году, т. е. на 20-мъ княженія Василія Дмитріевича. Намъ извѣстны монеты съ именемъ и этого второстепеннаго князя. Такимъ образомъ, въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ въ Московской области чеканилась монета съ именами какъ Великаго князя, такъ и всѣхъ почти удѣльныхъ. Съ нумизматической точки зрѣнія, этотъ фактъ слѣдуетъ запомнить и подчеркнуть.

Литва.

Въ области внѣшней политики, на первомъ планѣ въ княженіе Василія Дмитріевича стояли дѣла литовскія. „Почти въ одно время со вступленіемъ на московскій столъ Василія, въ Литвѣ окончательно утверждается тесть его Витовтъ (какъ извѣстно, Василій былъ женатъ на дочери Витовта, Софьѣ); оба ознаменовываютъ начало своего княженія богатыми „промыслами“: Василій овладѣваетъ Нижнимъ Новгородомъ и Муромомъ, Витовтъ—Смоленскомъ... Въ этой борьбѣ оба князя нетолько не мѣшаютъ другъ другу, но находятся, повидимому, въ тѣсномъ союзѣ... Но какъ скоро Литовскій князь, утвердившись въ Смоленскѣ, начинаетъ тѣснить Псковъ и Новгородъ, то Василій вооружается противъ него..“ (Соловьевъ, IV, стр. 45). Впрочемъ, до рѣшительныхъ битвъ между зятемъ и тестемъ такъ и не дошло и дѣло ограничилось тяжелыми для обѣихъ сторонъ походами и отступленіями, а также сравнительно незначительными стычками. Въ концѣ концовъ, каждый остался почти при своемъ.

Татары.

Могущество татаръ во время княженія Василія все еще давало себя чувствовать. Ханскій или, какъ его называли тогда на Руси, „царскій“ посолъ посадилъ его, послѣ смерти Донского, на великокняжескій столъ во Владимірѣ, затѣмъ Василій самъ отправился въ Орду и купилъ тамъ ярлыкъ на княжество Нижегородское (Соловьевъ IV стр. 5). Татары въ началѣ его княженія два раза опустошили Рязанское княжество. Въ 1395 году Тохтамышъ былъ побѣжденъ Тамерланомъ, вторгшимся затѣмъ и въ Россію, но вернувшимся назадъ отъ Ельца. Отъ Тамерланова нашествія Орда долго не могла оправиться и, вообще, съ тѣхъ поръ ея могущество пошло на убыль. „Нѣсколько хановъ смѣнилось въ Ордѣ, а великій князь московскій и не думалъ нетолько самъ ѣздить къ нимъ на поклонъ, но даже не посылалъ никого; на требованіе дани отвѣчалъ, что княжество его стало бѣдно

людьми, не на комъ взять „выхода“, тогда какъ татарская дань, съ двухъ сохъ по рублю, шла въ казну великокняжескую...“ (Соловьевъ IV стр. 25). Тогда, въ 1408 г., произошло извѣстное нашествіе Эдигея. Москвы онъ не взялъ, но опустошилъ добрую часть тогдашней Руси. Василій бѣжалъ передъ Эдигеемъ изъ Москвы въ Кострому. И послѣ нашествія Василій три года не ѣздилъ въ Орду“ и никого туда не посылалъ. „Только въ 1412 году, когда новый ханъ Зелени-Салтанъ (Джелаледдинъ), сынъ Тохтамыша, далъ изгнаннымъ нижегородскимъ князьямъ ярлыкъ на ихъ отчину, Василій Дмитріевичъ поѣхалъ въ Орду съ большимъ богатствомъ и со всѣми своими вельможами“ (ib. стр. 26). Затѣмъ сношенія съ Ордою, повидимому, прекращаются, хотя Татары и произвели нѣсколько незначительныхъ набѣговъ на пограничныя области (въ 1414, 1422 и 1424 годахъ).

Умеръ Василій Дмитріевичъ въ началѣ 1425 года, прокняживъ 36 лѣтъ, оставивъ престолъ десятилѣтнему сыну, Василію.

Описанная и изображенная мною подъ № 1 монета издается впервые. На лиц. ст. весьма обычная на деньгахъ XIV вѣка поясная фигура человѣка съ саблею и топоромъ; фактурою своею эта сторона напоминаетъ больше всего монеты Донского, описанныя мною въ т. I, стр. 138 этихъ записокъ, подъ №№ 1 и 2 и изображенныя на Табл. XII, подъ №№ 1 и 2. Сходство работы настолько явно, что дозволительно предположеніе объ изготовленіи ея въ той-же мастерской, въ которой изготовлены деньги Дмитрія Донского.

№№ 2—4 живо напоминаютъ монету Дмитрія, изданную мною тамъ-же подъ № 8. Монета, описанная мною подъ № 4, была издана кн. Долгоруковымъ въ III томѣ записокъ нашего Общества (1851 г.) подъ № 35 (стр. 45) и изображена на табл. IV подъ тѣмъ-же №. Уже князь Долгоруковъ, по моему мнѣнію, вполнѣ вѣрно, приписалъ ее вел. князю Василію Дмитріевичу. Замѣчательно, что монеты съ такимъ-же изображеніемъ извѣстны съ именемъ Андрея Дмитріевича, брата Василія (см. ст. Рейхеля въ I томѣ записокъ Общества, стр. 32, № 25 и подъ тѣмъ-же № на табл. 2). Фактура монетъ обоихъ братьевъ совершенно схожа, но тогда какъ на монетѣ Василія об. ст. занята арабскою надписью съ именемъ Тохтамыша, на деньгахъ Андрея изображеніе человѣка съ саблею повторено на обѣихъ сторонахъ (см. табл. V рис. 130). Круговая подпись: КНАЗЬОНАРѢІАМН . Съ именемъ Андрея

Дмитріевича чеканены монеты, имѣющія на лиц. сторонѣ тотъ-же типъ меньшихъ размѣровъ и съ четырехстрочною надписью на об.: (см. у Рейхеля, тамъ-же, № 29). Имѣющіеся у меня 2 экземпляра типа, помѣченнаго у Рейхеля № 25 вѣсятъ: 21 и 19 долей. (См. табл. V, рис. 131); 7 экземпляровъ типа Рейхелевскаго № 29: 18, 18, $17^1/_2$, 16, 16, $15^1/_2$ и 15 долей. Однородны со всѣми этими деньгами по типу, малаго размѣра монеты съ именемъ Василія, вѣсящія 11—9 долей. Онѣ описаны у меня подъ №№ 120—125 и приписаны мною тоже княженію Василія Дмитріевича; это, вѣроятно, полуденьги.

Описанная подъ № 5 деньга издана въ числѣ неопредѣленныхъ А. В. Орѣшниковымъ (см. № 903, табл. XVII, рис. 785). На экземплярѣ Историч. музея видно только начало надписи: ПЕЧАТЬ КНА.... Монета эта нѣсколько напоминаетъ № 1, но иной, болѣе грубой работы. По остатку надписи лиц. ст. я ее причислилъ къ серіи монетъ Василія Дмитріевича, но лучшій экземпляръ можетъ когда-нибудь доказать невѣрность моего опредѣленія. Ни татарская надпись об. стороны, ни вѣсъ монеты не препятствуютъ признавать ее деньгою Василія Дмитріевича. По типу ее можно сблизить съ деньгами Петра Дмитріевича, третьяго брата Василія (см. Рейхеля назв. статья, подъ № 32, у меня на табл. V , рис. 132).

Помѣченная мною № 6 деньга тождественна по типу съ деньгою Андрея Дмитріевича, изданною Рейхелемъ подъ № 26. Можно быть почти увѣреннымъ, что обѣ монеты вышли изъ рукъ одного (конечно, московскаго) мастера. Шесть экземпляровъ денегъ Андрея Дмитріевича (съ надписью ПЕЧ..ЬКНДЖАНАРѢЕВА моего собранія вѣсятъ: 23, 23, 23, $22^1/_2$, $22^1/_2$ и 22 доли (см. табл. V, рис. 133). Подобная монета издана и А. В. Орѣшниковымъ подъ № 750 (табл. XIII, № 602); легкій вѣсъ ея (17 долей) объясняется ея плохой сохранностью (стерта и кусочекъ отломанъ). Такимъ образомъ, и вѣсъ монеты Василія Дмитріевича почти точно совпадаетъ (22 доли) съ вѣсомъ монетъ его брата.

Подъ №№ 7 по 15 описаны мною монеты Василія Дмитріевича съ изображеніемъ пѣтуха. Это типъ наиболѣе близко подходящій къ типу извѣстныхъ денегъ съ именемъ его отца, Дмитрія Донского. Сходство типовъ и фактуры монетъ обоихъ княженій настолько велико, что при стертости легко ихъ смѣшать; это, между прочимъ, случилось и съ А. В. Орѣшниковымъ, описавшимъ подъ № 452

монету Василія и приписавшимъ ее, правда, съ оговоркою („можетъ быть, принадлежитъ в. к. Василію"), Дмитрію.

Сужу такъ по тому, что надъ пѣтухомъ на этомъ штемпелѣ имѣется, такъ называемая „тамга", чего я никогда доселѣ не встрѣчалъ на экземплярахъ, на которыхъ ясно читается имя Димитрія; на нихъ всегда надъ пѣтухомъ—изображеніе звѣрька. Такой звѣрекъ,встрѣчается и на деньгахъ этого типа съ именемъ Василія (см. у меня №№ 7—8), но на большинствѣ встрѣчается именно украшеніе, обычно называемое тамгою и являющееся орнаментомъ восточнаго происхожденія, чего, повторяю, на видѣнныхъ мною экземплярахъ съ именемъ Димитрія не бывало. Выше я указалъ, что фактура монетъ Дмитрія и Василія очень сходна; повторяю это, оговариваясь, однако, что она не вполнѣ тожественна: работа штемпелей съ именемъ Василія, въ общемъ, нѣсколько небрежнѣе, имѣя характеръ повторенія оригинала. При общей грубости работы, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, выносишь при ихъ разсмотрѣніи въ лупу такое впечатлѣніе, что штемпеля съ именемъ Дмитрія исполнены, хотя-бы и неважнымъ, но мастеромъ, а съ именемъ Василія—подмастеріями. Исполненіе обратной стороны, съ татарскою надписью, одинаковаго достоинства на тѣхъ и на другихъ. Въ моемъ собраніи имѣется деньга, повидимому, Андрея Дмитріевича, на лиц. ст. которой—повернутое направо погрудное изображеніе человѣка въ вѣнцѣ о трехъ зубцахъ, держащаго передъ собою саблю. Круговая надпись: П..... АРѢЕВѢДИ : на об. ст.—пѣтухъ, какъ на монетахъ Василія Дмитріевича; надъ нимъ—звѣзда, а подъ клювомъ—трилистникъ. Сохранившаяся часть круговой надписи: .....АZАВ..... Вѣсъ $20^1/_2$ долей. (См. Табл. V, рис. 134). Чертковъ отнесъ къ Петру Дмитріевичу (табл. XXV, рис. 1, № 475) монеты гораздо болѣе грубой фактуры, а потому, вѣроятно, исполненныя въ другой мастерской, того-же типа т. е. съ пѣтухомъ и звѣркомъ надъ нимъ; опредѣленіе это повторено А. В. Орѣшниковымъ (№ 785) и гр. Чапскимъ (№ 201); сомнѣваться въ вѣрности его нѣтъ особыхъ поводовъ. Такимъ образомъ, мы можемъ съ полною вѣроятностью установить, что типъ съ пѣтухомъ имѣется на монетахъ Дмитрія и трехъ его сыновей: Василія, Петра и Андрея.

Подъ №№ 16 по 29 описаны довольно многочисленные варіанты типа съ барсомъ, характернаго для княженія Василія Дмитріевича. Хотя подобные звѣри и встрѣчаются на монетахъ другихъ княженій, или на монетахъ пока неопредѣлимыхъ, но барсъ денегъ Василія Дмитріевича совершенно своеобразнаго рисунка и всегда легко

узнается всякимъ мало-мальски опытнымъ нумизматомъ. Такимъ образомъ, если разновидности, описанныя до 15 № включительно, могутъ быть сравниваемы съ деньгами отца Василія или современниковъ его самого, то №№ 16—28 стоятъ особнякомъ и не поддаются сближенію съ другими. Благодаря какой-то счастливой случайности, какъ-разъ эти монеты, не могущія воспользоваться нумизматическимъ матеріаломъ для сравненія, носятъ на себѣ непреложныя признаки чеканки ихъ отъ имени Василія Дмитріевича Московскаго: на цѣломъ рядѣ ихъ (№№ 16, 17, 18, 21, 23, 26), съ одной стороны, проставлены имя и отчество: „Василій Дмитріевичъ", а съ другой—полный титулъ: „Великій князь всея Руси". Монеты этого типа не особенно рѣдки, но, къ сожалѣнію, почти всегда встрѣчаются въ болѣе или менѣе сильно потертыхъ экземплярахъ, причемъ и чеканены онѣ очень небрежно, такъ что на тѣхъ образцахъ, гдѣ сколько-нибудь ясно видно изображеніе, надписи вышли изъ рукъ вонъ плохо, гдѣ получше видны надписи, изображеніе не отчетливо. Нетолько безупречнаго, но хотя-бы вполнѣ удовлетворительнаго экземпляра этого типа мнѣ нигдѣ никогда не случалось видѣть. Деньги эти описаны А. В. Орѣшниковымъ подъ №№ 493—504, Чертковымъ подъ №№ 12, 365, 421, Шодуаромъ подъ № 22, у Сахарова изображены на Т. IX, рис. 15, 16 и 19, въ каталогѣ Рейхеля описаны подъ №№ 39—53, у гр. Чапскаго подъ №№ 385—389 и т. д.

Описанныя мною подъ № 30 деньги отличаются отъ остальныхъ, прежде всего, своимъ вѣсомъ: онѣ почти въ полтора раза тяжелѣе другихъ денегъ съ именемъ Василія Дмитріевича, приближаясь по вѣсу къ татарскимъ деньгамъ конца XIV столѣтія. Выдѣляются онѣ, однако, не однимъ вѣсомъ: ихъ фактура нѣсколько иная, я сказалъ-бы болѣе смѣлая, хотя не слѣдуетъ особенно преувеличивать эту разницу, такъ какъ общій характеръ работы штемпелей остается тѣмъ-же. Наибольшее сходство лицевая сторона этихъ монетъ имѣетъ съ лиц. ст. монеты дяди Василія, князя Влидиміра Андреевича, изданной кн. Долгоруковымъ подъ № 28. Въ моемъ собраніи имѣется четыре экземпляра этого типа денегъ Владиміра (на лиц. ст. круговая надпись: ПЄѴѦТ... ѦѪѦВОЛОДИ, на об. имя Тохтамыша); вѣсятъ эти деньги: $22^1/_2$ 21, 21 и 20 долей, т. е. не болѣе нормальнаго вѣса русскихъ денегъ конца XIV вѣка. Замѣчательно, что изъ четырехъ имѣющихся у меня экземпляровъ два перечеканены изъ другихъ денегъ; въ частности, экземпляръ кн. Долгорукова, входящій нынѣ въ составъ моего собранія, чеканенъ на деньгѣ Василія Дмитріевича типа, описаннаго мною

подъ № 50 (см. Табл. V рис. 135). Этотъ фактъ даетъ возможность установить, что какъ монеты Владиміра описаннаго типа, такъ и деньги Василія, описанныя подъ № 50, чеканены въ двадцатилѣтіе между 1389, годомъ востоленія Василія, и 1410, годомъ смерти Владиміра, такъ какъ надчеканъ на монетѣ съ именемъ Василія не могъ имѣть мѣста ранѣе 1389 или даже 1390 года, а употребленіе для этого штемпеля съ именемъ Владиміра должно относиться ко времени до 1410. При скудости хронологическихъ признаковъ, за которые можно было бы зацѣпиться для опредѣленія времени чеканки тѣхъ или другихъ типовъ русскихъ монетъ XIV и XV вѣковъ, указанное наблюденіе имѣетъ довольно важное значеніе.

Подъ №№ 31—34 описаны деньги безъ всякаго изображенія, съ однѣми надписями. По общему характеру исполненія штемпелей, монеты эти примыкаютъ къ №№ 16—29 и легко могутъ быть признаны за произведенія одной и той-же мастерской. Подобныя монеты описаны А. В. Орѣшниковымъ подъ №№ 505 и 506, у Рейхеля есть изображеніе на Табл. V, № 54, у Черткова Таб. XVII, рис. 10 и XXI, рис. 9.

№№ 35—48 представляютъ собою опять характерный для княженія Василія Дмитріевича типъ. Здѣсь впервые изображается на русскихъ монетахъ всадникъ, ставшій затѣмъ излюбленнымъ въ русской нумизматикѣ на нѣсколько столѣтій. Въ частности, всадникъ здѣсь представленъ съ соколомъ въ рукѣ и, вѣроятно, долженъ изображать самого великаго князя; эта особенность, т. е. изображеніе всадника съ соколомъ, продержалась сравнительно недолго, такъ какъ послѣ княженія сына и преемника Василія Дмитріевича, вел. кн. Василія Темнаго, мы съ нею больше не встрѣчаемся. Зато, вплоть до 2-й половины XV вѣка типъ этотъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ въ Россіи, хотя и въ нѣсколько иной (уменьшенной) обработкѣ. На многихъ разновидностяхъ этой группы монетъ съ именемъ Василія Дмитріевича встрѣчается полный его титулъ „Великій князь всея Руси“ (таковы №№ 35, 37, 38, 39, 40, 41 и 42). Дѣлится этотъ типъ на три отдѣла: къ первому принадлежатъ №№ 35 и 36, имѣющіе на оборотной ст. строчную русскую надпись, сближающую ихъ съ типомъ, описаннымъ подъ №№ 31—34. Второй отдѣлъ составляютъ деньги съ довольно правильною татарскою надписью (съ именемъ Тохтамыша); къ этому отдѣлу принадлежатъ №№ 37—42; наконецъ, третій отдѣлъ (№№ 43—48) составляютъ монеты, гдѣ на об. ст. вставлено въ татарскую надпись изображеніе человѣческой головы въ

шапкѣ. Замѣчательно, что голова эта послѣдовательно, безъ единаго доселѣ извѣстнаго исключенія, расположена по отношенію къ надписи неправильно, т. е. если читать надпись, какъ слѣдуетъ, то голова окажется повернутою верхомъ (шапкою) книзу; если разсматривать голову въ нормальномъ ея положеніи, то всѣ арабскія буквы надписи окажутся перевернутыми. Произошло-ли это отъ невѣжества рѣзчиковъ штемпелей, непонимавшихъ, гдѣ верхъ и гдѣ низъ арабскихъ буквъ, или намѣренно, по какой-либо причинѣ, рѣшить съ полной увѣренностью нельзя. Мое личное убѣжденіе сводится къ тому, что рѣзчики штемпелей читать арабскихъ письменъ не могли и копировали оригиналы, считая верхомъ буквъ то, что было низомъ и наоборотъ. Если это такъ, то они думали, что ставили человѣческую голову посреди надписи правильно по отношенію къ арабскимъ буквамъ, которыхъ они не понимали. Слѣдуетъ замѣтить, что татарскія надписи на об. ст. этого третьяго отдѣла, въ общемъ, хотя и нѣсколько менѣе правильны, чѣмъ на об. ст. 3 отдѣла, но все-же удовлетворительно воспроизведены. Монеты типа, описаннаго мною подъ №№ 35—48, изданы многими авторами, занимавшимися допетровскою нумизматикою: у А. В. Орѣшникова онѣ помѣчены №№ 454—461 (рис. 326—329), у Черткова №№ 6—7 (Таб. I, 5 и 6), № 502 (Таб. XXVIII, 4), у Сахарова т. IX, рис. 21 и т. д.; у гр. Чапскаго изъ описанія нельзя заключить, имѣлъ ли онъ подобный экземпляръ, или нѣтъ въ своемъ собраніи.

Описанныя мною подъ №№ 49 и 50 деньги по типу своему примыкаютъ къ предъидущимъ, но если об. ст. немногимъ отъ нихъ отличается, то лицевая, напротивъ, настолько грубой фактуры, обличаетъ въ рѣзавшемъ штемпеля такую неумѣлость, что трудно вѣрить, чтобы эти монеты вышли изъ той-же мастерской, какъ №№ 35—48. Ихъ слѣдуетъ, однако, присоединить къ серіи монетъ Василія Дмитріевича, какъ на основаніи надписей, такъ и вслѣдствіе сходства съ об. ст. несомнѣнно относящихся къ этому княженію денегъ.

Монеты, значащіяся въ моемъ перечнѣ подъ №№ 51 до 81, и по изображеніямъ, по надписямъ, и по фактурѣ принадлежатъ къ одной большой группѣ, которую, однако, однимъ типомъ (какъ это принято въ нумизматикѣ) назвать нельзя. Общими (кромѣ фактуры) признаками у нихъ являются: ѣдущій направо всадникъ на лиц. ст. и татарская надпись на об.; но затѣмъ, выступаютъ особенности, дающія возможность подраздѣлить ихъ на слѣдующія группы или типы: 1) на лиц. ст. № 51 всадникъ въ рукѣ ничего не держитъ, конь пред-

ставленъ, довольно ловко, скачущимъ галопомъ; 2) на лиц. ст. №№ 52—72 всадникъ держитъ въ рукѣ мечъ; аллюръ коня обыкновенно трудно опредѣлить: то онъ представленъ какъ-будто идущимъ шагомъ, или даже стоящимъ, то какъ-будто скачущимъ; тутъ сказывается или неумѣлость мастеровъ, или безразличное ихъ отношеніе къ этой подробности. 3) На лиц. ст. №№ 73—80 представленъ всадникъ съ копьемъ въ рукѣ, колющій внизу голову змѣя. № 81, болѣе грубой работы, стоитъ особнякомъ и причисленъ къ большой группѣ этихъ монетъ только по общимъ признакамъ. Въ типѣ денегъ, помѣченномъ мною здѣсь цифрою 2, слѣдуетъ выдѣлить подотдѣлъ, по особенности, встрѣчающейся на об. ст. на №№ 62—64: въ срединѣ татарской надписи изображена человѣческая головка, какъ на об. ст. №№ 43—48 (типа со всадникомъ, держащимъ сокола на рукѣ). Эта особенность тѣсно связываетъ между собою всю группу монетъ №№ 51—81 съ №№ 35—48 и дозволяетъ высказать мысль, что всѣ онѣ изготовлены въ одной мастерской, хотя, думается, разновременно въ долгое княженіе Василія Дмитріевича. Между монетами, причисленными мною къ тому-же 2-му типу этой группы, встрѣчаются штемпеля лиц. ст., на которыхъ подъ конемъ изображена человѣческая головка въ профиль (№№ 68—72). На монетахъ этой группы нигдѣ не встрѣчается полнаго титула со словами „всея Руси“. На большинствѣ, а именно на №№ 51, 55, 56, 57, 58, 60, 62, 63, 64, 65, 67, 73 и 74, надпись можетъ быть возстановлена въ такомъ видѣ: „Князь великій Василій Дмитріевичъ“; отдѣльныя слова часто сокращены, притомъ различнымъ образомъ (см. описаніе монетъ). На лиц. ст. №№ 53, 54, 77 и 78 имя князя безъ отчества: „князь великій Василій“, а на №№ 52, 71 и 80 слова титула переставлены: „великій князь Василій“; эту надпись можно читать и такъ: „Князь Василій великій“ или „Василій великій князь“, такъ какъ въ круговой надписи нельзя установить, гдѣ ея начало и гдѣ конецъ, при отсутствіи діакритическихъ знаковъ. Я остановился на первомъ способѣ чтенія, такъ какъ считаю второй способъ непріемлемымъ, а третій менѣе удобнымъ, чѣмъ первый. На лиц. ст. №№ 59, 69, 70, 75 и 76 имя и титулъ стоятъ въ родительномъ падежѣ: „князя великого (или великово) Василія“ или „великого князя Василія“. Наконецъ, на № 68 надпись: „печать князя великого Василія“, а на № 66 читается: „а се печать великаго князя“.

Изъ типовъ для сравненія долженъ упомянуть о двухъ деньгахъ Андрея Дмитріевича, находящихся въ моемъ собраніи: на первой

изъ нихъ (см. V табл. рис. 136) изображенъ всадникъ съ развѣвающимся плащемъ, того-же типа и фактуры, какъ на разбираемыхъ монетахъ Василія Дмитріевича, колющій копьемъ змѣиную или человѣческую голову (похоже даже на черепъ?); круговая надпись: ПЕУ..ЬКНАЖАНАРѢЕВА ; на об. ст.—арабская надпись (магометанскій символъ вѣры); вѣсъ—23 доли. Вторая монета (см. табл. V рис. 137) имѣетъ туже лицев. ст., какъ и предъидущая; на об. ст. въ четыреугольной рамкѣ поясное изображеніе человѣка влѣво въ чалмѣ (!), держащаго въ правой рукѣ саблю, а въ лѣвой какой-то предметъ, расширяющійся кверху и имѣющій видъ чаши (?); надъ „чашею“ звѣзда; рамка окружена подражаніями арабскихъ буквъ, составляющими довольно изящный орнаментъ. Монета эта вѣситъ тоже 23 доли.

Монеты группы, описанной мною подъ №№ 51—81, издавались неоднократно: А. В. Орѣшниковымъ онѣ описаны подъ №№ 462—463, Чертковымъ подъ №№ 8, 10, 11, 355, 506 и 507., въ каталогѣ Рейхеля подъ №№ 22—31, у Сахарова изображены на т. IX, №№ 20, 22, 23, 26 и 28 и т. д. Этотъ перечень указываетъ, что, въ общемъ, эта группа монетъ является наиболѣе распространенною изъ всѣхъ денегъ съ именемъ Василія Дмитріевича. Нелишне отмѣтить, что типъ всадника съ копьемъ появляется на московскихъ деньгахъ здѣсь впервые и, послѣ частой замѣны его другими типами, становится господствующимъ только черезъ цѣлое столѣтіе, при Иванѣ Грозномъ, праправнукѣ Василія Дмитріевича. Представляетъ ли всадникъ съ копьемъ на монетахъ Василія самого вел. князя, или Св. Георгія остается вопросомъ открытымъ: за первое предположеніе говоритъ отсутствіе какихъ-бы то ни было эмблемъ святости, отсутствіе имени святого, а также тотъ фактъ, что всадникъ изображается рѣже съ копьемъ, чѣмъ съ мечемъ или даже безъ всякаго оружія, что противорѣчитъ иконографической традиціи; съ другой стороны, на тѣхъ штемпеляхъ, на которыхъ всадникъ изображенъ съ копьемъ, онъ обыкновенно представленъ колющимъ голову змѣя, что вполнѣ подходитъ подъ изображеніе Св. Георгія, а не Великаго Князя, если не предполагать аллегорическаго рисунка. Кромѣ того, всадникъ постоянно, повидимому, изображается безъ головного убора, безъ шапки или шлема, что тоже сближаетъ изображеніе съ иконографическимъ типомъ Св. Георгія. Къ сожалѣнію, штемпеля нашихъ монетъ настолько миніатюрны, что не давали возможность мастерамъ, ихъ рѣзавшимъ, изобразить такія подробности типа представленнаго ими

лица, его вооруженія и костюма, которыя легко рѣшили-бы вопросъ въ ту или другую сторону.

Подъ № 82 значится у меня типъ, извѣстный по описанію Рейхеля. Эта деньга, описанная въ его каталогѣ подъ №№ 62—63 и изображенная на Т. I подъ № 5, имѣется только въ собраніи Имп. Эрмитажа, но зато представлена тамъ въ трехъ экземплярахъ. Типъ этой деньги совпадаетъ съ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ типовъ сына Василія Дмитріевича, Василія Темнаго, и она могла-бы легко быть признана за монету послѣдняго, не будь ясно проставлено отчество перваго. Замѣчательна эта монета тѣмъ, что на ней впервые встрѣчается наименованіе ея цѣнности—слово „деньга“, и притомъ съ обозначеніемъ мѣста чеканки: коломьская. Едва-ли сомнительно, что „коломьская“ значитъ „коломенская“, а потому слѣдуетъ предполагать, что деньги эти чеканены въ Коломнѣ, бывшей за долго до Василія Дмитріевича „вотчиною“ Московскихъ великихъ князей.

Деньги, описанныя мною подъ №№ 83—89, принадлежатъ къ числу такихъ, опредѣленіе которыхъ является отчасти спорнымъ. Рейхель (въ его каталогѣ № 54—56) приписалъ ихъ Василію Дмитріевичу Московскому, тоже сдѣлалъ и Чертковъ (№ 13, Табл. I рис. 12); у Шодуара съ монетою этою типа вышло какое-то недоразумѣніе: описавъ ее во II томѣ подъ № 33 въ ряду монетъ Василія Дмитріевича, онъ въ объяснительномъ перечнѣ къ таблицамъ рисунковъ, изобр. въ III томѣ (табл. 58 рис. 3), на стр. 23 приписалъ ее Василію Васпльевичу; эта явная опечатка повела за собою другую ошибку: вторичное описаніе той-же монеты, подъ № 124-в въ числѣ денегъ Василія Васильевича; Гр. Чапскій (№ 390), Шубертъ (№ 314), Сахаровъ (Табл. IX, рис. 27), всѣ относили этотъ типъ къ княженію Василія Дмитріевича. А. В. Орѣшниковъ рѣшился описать этотъ типъ въ серіи монетъ, приписываемыхъ имъ гадательно княженію Василія Дмитріевича Кирдяпы. Свое предположеніе онъ основываетъ на „нѣкоторомъ сходствѣ звѣря“, находящагося на другой монетѣ, которую онъ раньше, *тоже предположительно*, отнесъ къ серіи денегъ Кирдяпы (см. Орѣшниковъ, стр. 186, № 874). Я не могу признать сходство звѣрей на обоихъ сравниваемыхъ имъ штемпеляхъ настолько явнымъ, чтобы сближать ихъ между собою: звѣрь, долженствующій, вѣроятно, изображать барса или льва—одинъ изъ распространеннѣйшихъ типовъ въ средневѣковой русской нумизматикѣ, и „нѣкоторое сходство“ между собою можно найти, при доброй волѣ, въ десяткахъ звѣрей. Какъ-разъ между сравнивавшимися А. В. Орѣшниковымъ ти-

ними нѣтъ, на мой взглядъ, никакого сходства въ фактурѣ штемпелей, а потому сравненіе ихъ не можетъ, по моему мнѣнію, говорить въ пользу общности происхожденія или являться само по себѣ доказательствомъ принадлежности обоихъ типовъ одному княженію. Это несходство фактуры говорило-бы въ моихъ глазахъ, скорѣе противъ возможности чеканки обоихъ типовъ отъ имени одного и того-же князя, но, повторяю, конечно, не можетъ служить доказательствомъ въ пользу такого предположенія: изображеніе барса или льва (какъ я его называю) настолько распространено, что требуется почти совпаденіе въ разныхъ мелочахъ для того, чтобы именно оно явилось основаніемъ для сближенія типовъ. Собственно, по фактурѣ штемпелей лиц. ст., я сблизилъ-бы разбираемый типъ скорѣе съ тѣми, на которыхъ изображенъ пѣтухъ, какъ съ именемъ Дмитрія, такъ и Василія Дмитріевича: несмотря на различіе изображеній, вполнѣ для меня лично допустима возможность изготовленія этихъ штемпелей въ одной и той-же мастерской, хотя-бы и въ различное время. Конечно, такой выводъ или, вѣрнѣе, такое впечатлѣніе крайне субъективны, а потому на нихъ основывать что-либо трудно, но есть и объективный признакъ, говорящій отчасти въ пользу допустимости (говорю осторожно) такого предположенія: мы видѣли на тѣхъ штемпеляхъ изображеніе въ сравнительно маленькомъ кружкѣ двухъ животныхъ—пѣтуха и надъ нимъ меньшихъ размѣровъ звѣрька; здѣсь мы видимъ также изображеніе льва и надъ нимъ скорпіона; такое соединеніе изображеній двухъ разнородныхъ животныхъ мы встрѣчаемъ вообще не часто на русскихъ деньгахъ. Оставимъ, однако, эту сторону монеты, которая является, по изложеннымъ выше причинамъ, дурнымъ объектомъ сравненія и перейдемъ къ другой, оборотной. Здѣсь мы видимъ характерную головку въ профиль, не столь часто встрѣчающуюся на монетныхъ штемпеляхъ, а на монетѣ, могущей быть приписанною къ XIV вѣку или началу XV, встрѣчающейся впервые. Съ этою головкою могутъ быть сравниваемы, какъ типъ, только тѣ, которыя мы встрѣчаемъ на московскихъ деньгахъ сына Василія Дмитріевича, Василія Темнаго: у Черткова таб. III, рис. 4, таб. IV, №№ 2, 3, 7, 8 и 10, Таб V, рис. 3. и Таб. XX рис. 2 и 4. (у Орѣшникова Т. X рис. 431, 434, 446. 447, 461, 464, 474, 475, Т. XI, рис. 480, въ описаніи №№ 586, 589, 601, 602, 614—617, 627 и 628). Правда, головка окружена на монетахъ Василія Темнаго русскою надписью, на предполагаемыхъ же монетахъ его отца подражаніемъ татарской, но основной типъ штемпеля остался тотъ-же. Это обстоятельство заставляетъ меня признать, что

всѣ авторы, видѣвшіе, за исключеніемъ одного А. В. Орѣшникова, въ деньгахъ, описанныхъ мною подъ №№ 84—89, монеты Василія Дмитріевича Московскаго, были правы.

Описанныя мною подъ №№ 90 и 91 деньги тоже отнесены А. В. Орѣшниковымъ къ княженію того-же Кирдяпы (см. № 873, Табл. XVI рис. 746—748.), хотя причины, побудившія его измѣнить опредѣленіе Черткова (см. у него № 509, Табл. XXXVIII рис. 8), именно по отношенію къ этому типу имъ ясно не изложены. Такъ какъ я не вижу причинъ относить какія-бы то ни было монеты къ княженію Кирдяпы, не находя для того рѣшительно никакихъ положительныхъ данныхъ, то и счелъ необходимымъ дать типу, описанному мною подъ №№ 90 и 91, мѣсто въ ряду московскихъ денегъ, и на основаніи надписи, денегъ Василія Дмитріевича.

№№ 92—97 принадлежатъ тоже къ числу тѣхъ, которыя приписаны А. В. Орѣшниковымъ Кирдяпѣ (у него №№ 867—872). Чертковъ (№ 333), а за нимъ и гр. Чапскій, имѣя въ рукахъ плохіе экземпляры, включили ихъ въ серію „неопредѣленныхъ“, кн. Долгоруковъ (записки Имп. Археол. общ., Т. III, подъ № 34), имѣя лучшій экземпляръ, отнесъ его къ серіи монетъ Василія Дмитріевича Московскаго. Ни вѣсъ, ни форма буквъ въ надписи, ни общій „стиль“ штемпелей этому опредѣленію не противорѣчатъ, а напротивъ, подтверждаютъ его.

Подъ №№ 98—102 мною описаны монеты, которыя доселѣ въ серіи монетъ Вел. кн. Василія Дмитріевича не издавались; на нихъ читается на обѣихъ сторонахъ его имя, а на № 100 проставлена начальная буква и отчества—Д. Принятая мною за лицевую сторона этихъ денегъ извѣстна и, можно даже сказать, характерна для денегъ Ростовскаго княжества (см. Табл. V рис. 138). Приписаніе ростовскихъ денегъ тому или иному изъ ростовскихъ князей встрѣчаетъ доселѣ большія затрудненія, какъ вслѣдствіе обычно плохой сохранности этихъ монетъ, небрежной ихъ чеканки, такъ и неумѣлости или небрежности въ начертаніи на нихъ именъ князей. На трудность точнаго опредѣленія совершенно вѣрно указалъ А. В. Орѣшниковъ, какъ на страницахъ „Русскихъ монетъ до 1547 года“, (см. стр. 162—170), такъ и въ особой статьѣ въ „Трудахъ Московскаго Нумизматическаго Общества“ (Томъ II, вып. I, Москва 1909 г., стр. 15—19). На тѣхъ изъ многочисленныхъ экземпляровъ ростовскихъ монетъ моего собранія, на которыхъ надписи лучше сохранились, можно возстановить на одной сторонѣ: ПЕЧАТЬКНАЖАШНДРѢ, а на другой ПЕЧАТЬКНАЖАШЛЕКСАНДР. Эти деньги могутъ быть приписаны князю Андрею Александровичу,

княжившему въ 1380—1417 г.; другія деньги имѣютъ такія надписи: на одной КНАZЄ..... САРУ а на другой ПЄЧАТЬКНАZѠЛЄКНДРКО . Эти монеты могутъ быть приписаны князю Александру Константиновичу (1365—1404 г.). Оба князя были современниками Василія Дмитріевича и его сподручниками, находясь въ полномъ его подчиненіи (см. Экземплярскій, стр. 53—55). Наконецъ третій разрядъ ростовскихъ монетъ разбираемаго типа имѣетъ надпись: КНАZѠN·А·РѢФЄА·ВУ ; онѣ могутъ быть отнесены къ княженію Андрея Федоровича, умершаго въ 1409 г., т. е. на 20-мъ году княженія Василія Дмитріевича. Заимствованіе типа при чеканкѣ монетъ для незначительныхъ въ политическомъ отношеніи ростовскихъ князей отъ московскаго типа весьма понятно (конечно, не наоборотъ), а тотъ фактъ, что всѣ три имени князей, встрѣчающіяся на ростовскихъ монетахъ этого рода совпадаетъ съ именемъ современниковъ Василія Дмитріевича, даетъ право утверждать, что деньги этого-же типа съ надписью „Князя Великаго Василія (Д)“ носятъ на себѣ имя именно этого Московскаго Государя.

Типъ обратной стороны №№ 98—102 подтверждаетъ это предположеніе, такъ какъ совпадаетъ съ типомъ одной изъ сторонъ денегъ брата Василія Дмитріевича, Петра Дмитріевича (Чертковъ, № 246, Табл. XIV, рис. 5, у Орѣшникова № 789, Табл. XIII, рис. 643). Монеты эти (см. Табл. V, рис. 139) представляютъ на лиц. ст. поясное изображеніе человѣка впрямь съ топоромъ и саблею въ рукахъ; круговая надпись: ПЄЧАТЬКНАѦАПЄТРОВА : Находящіеся въ моемъ собраніи три экземпляра этой монеты хорошей сохранности вѣсятъ 23, 23 и 22 доли.

Типъ лиц. ст. №№ 103—105 моего описанія тоже сравнимъ съ монетами Петра Дмитріевича, на которыхъ изображена голова въ шапкѣ, въ профиль (Орѣшниковъ №№ 790—798, Чертковъ №№ 247—252). Орѣшниковъ относитъ ихъ къ числу неопредѣлимыхъ (см. №№ 929—933), но Чертковъ (№№ 406 и 510) описываетъ ихъ, какъ и я, въ серіи монетъ княженія Василія Дмитріевича; тоже сдѣлалъ и гр. Чапскій (№ 341). Дѣйствительно, такъ какъ на нашихъ деньгахъ ясно читается имя Великаго Князя Василія и онѣ по внѣшнимъ признакамъ несомнѣнно относятся къ концу XIV или началу XV вѣка, то если не относить ихъ все къ тому-же Кирдяпѣ, къ которому отнесены А. В. Орѣшниковымъ, по моему убѣжденію, неосновательно, значительное число монетъ этой эпохи, остается одинъ Василій Дмитріевичъ Московскій. Самъ А. В. Орѣшниковъ, въ замѣткѣ къ описанію № 929 своего каталога (стр. 203) говоритъ: „можетъ быть (?), монета

принадлежитъ в. к. Василію, только едва-ли, судя по стилю, Московскому". Какому-же тогда? А. В. Орѣшниковъ не рѣшился почему-то отнести и эти деньги къ Кирдяпѣ, къ эфемерному и мало извѣстному княженію котораго онъ и безъ того отнесъ столько типовъ, что въ этомъ отношеніи нельзя было-бы тягаться съ нимъ, еслибъ вѣрность опредѣленій уважаемаго нумизмата была доказана, ни Василію Дмитріевичу, ни тѣмъ менѣе его отцу, Дмитрію Донскому. Можно догадываться, что именно это соображеніе удержало А. В. Орѣшникова и эти монеты отнести къ Кирдяпѣ, такъ какъ, судя по стилю, онѣ могли-бы быть причислены къ монетамъ, отнесеннымъ имъ къ этому княженію. Страннымъ, однако, остается тотъ фактъ, почему разница въ „стилѣ" не мѣшаетъ нумизматамъ, въ томъ числѣ и самому А. В. Орѣшникову, относить къ княженіямъ Владиміра Андреевича, Андрея Дмитріевича и т. д. монеты весьма различнаго вида, а для московскихъ монетъ почему-то требуется единство стиля, не подтверждаемое, впрочемъ, сравненіемъ между собою типовъ монетъ, ими самими относимыхъ къ княженію Василія Дмитріевича Московскаго.

Описанныя мною вплоть до № 105 монеты отнесены къ княженію Василія Дмитріевича нетолько безъ особыхъ колебаній, но даже съ внутреннею увѣренностью, что опредѣленіе ихъ правильно и когда-нибудь подтвердится, можетъ быть, еще болѣе убѣдительными данными, чѣмъ тѣ, которыя мною указаны (напримѣръ, составомъ кладовъ, экземплярами, тождественными съ описанными типами, съ болѣе полными надписями и т. п.). Описанныя подъ №№ 106—119 монеты, вообще говоря, заставили меня колебаться при рѣшеніи вопроса, въ серіи какихъ монетъ слѣдуетъ ихъ описывать. На большинствѣ этихъ монетъ читается имя „Великаго Князя Василія", но какого? Если признавать ихъ несомнѣнно московскими (послѣ сомнѣній, возбужденныхъ А. В. Орѣшниковымъ, и это требовало-бы доказательствъ), то все-же трудно рѣшить, чеканены-ли онѣ при Василіѣ Дмитріевичѣ, или при его сынѣ, Василіѣ Темномъ. А. В. Орѣшниковъ указалъ на это (стр. 96 назв. соч.) въ замѣткѣ передъ описаніемъ монетъ Василія Васильевича.

Дѣйствительно, на большинствѣ денегъ, приписываемыхъ княженію послѣдняго, не обозначено отчества, что, при одноименности сына и отца, само по себѣ затрудняетъ распредѣленіе монетъ между ихъ княженіями. Въ общемъ, монеты, приписываемыя Темному или несомнѣнно при немъ чеканенныя, отличаются отъ монетъ съ именемъ его отца, какъ фактурою и стилемъ, такъ и вѣсомъ. Но кто рѣшится сказать, когда эти измѣненія произошли—при отцѣ, или при-

сынѣ. Что они произошли не сразу и вдругъ—на это имѣются несомнѣнныя указанія, но у насъ нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, къ какому княженію мы могли-бы отнести отдѣльные виды монетъ. Какъ по типамъ, такъ и по „стилю", описанныя мною подъ №№ 106—119 монеты, на мой взглядъ, несомнѣнно ближе подходятъ къ монетамъ Василія Дмитріевича, но всѣми нумизматическими авторами №№ 106—117 описывались доселѣ въ серіи монетъ Василія Васильевича, а слѣдовательно они, вѣроятно, съ моимъ взглядомъ были-бы несогласны, или же имѣли другія основанія при опредѣленіи разбираемыхъ типовъ. Можно догадываться, что существенную роль въ данномъ случаѣ игралъ вѣсъ монетъ. Правда, средній вѣсъ не возбуждающихъ сомнѣнія монетъ Дмитрія Васильевича равенъ не менѣе $20^1/_2$ дол. его можно-бы признать и выше этого, такъ какъ хорошіе экземпляры вѣсятъ 22 и даже 23 доли; напротивъ, многія монеты, несомнѣнно принадлежащія ко времени княженія Василія Васильевича, вѣсятъ 10—11 долей, нѣкоторыя и еще меньше, а именно 7—9 долей; зато, есть монеты, принадлежащія къ княженію Василія Дмитріевича, недурной сохранности, вѣсомъ въ 18—19 долей, а между тѣмъ, многія монеты, относимыя къ княженію Темнаго, вѣсятъ отъ 15 до 17 долей. Остается яснымъ, слѣдовательно, только одинъ обычный фактъ—послѣдовательнаго уменьшенія вѣса русскихъ денегъ за длинный періодъ двухъ княженій съ 1389 по 1462 годъ, но когда это уменьшеніе началось, въ какой постепенности оно происходило и т. п.—всего этого мы доподлинно не знаемъ.

Описанныя подъ №№ 106—111 деньги съ именемъ Великаго князя Василія по вѣсу своему несомнѣнно ближе подходятъ къ монетамъ Василія Дмитріевича, чѣмъ его сына. Средній вѣсъ восьми имѣющихся у меня экземпляровъ этого типа равняется 18,2 доли, а наиболѣе тяжелый экземпляръ, не идеальной сохранности, вѣситъ даже 19 долей. Но, признаться, не это явилось главною для меня побудительною причиною отнесенія монетъ этого типа къ княженію Василія Дмитріевича, а слѣдующее обстоятельство.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ донынѣ штемпелей русскихъ денегъ XIV—XV в. нѣтъ болѣе напоминающихъ типа занимающихъ насъ денегъ, чѣмъ тѣ, которыми чеканена одна разновидность монетъ князя Семена Владиміровича, сына Владиміра Храбраго. На этой разновидности (см. Табл. V рис. 140 и 141) на одной сторонѣ поясное изображеніе человѣка вправо съ топоромъ и саблею въ рукахъ, позади него

конецъ надписи, перенесенной съ другой стороны: ѣнуь ; на этой другой сторонѣ четырехстрочная надпись:

Чертковымъ подобная деньга описана подъ № 550 и изображена на Табл. XXXII фиг. 9., у Рейхеля, въ каталогѣ, подъ № 4071. Эта, повидимому, рѣдкая монета имѣется въ моемъ собраніи въ двухъ экземплярахъ. Вѣсъ ихъ—18 и $17^1{}_2$ долей, т. е. вполнѣ, можно сказать, соотвѣтствуетъ вѣсу монетъ Василія, описанныхъ мною подъ №№ 106-111.

Сходство этого типъ монетъ Семена и Василія настолько велико, что можно предполагать, что онѣ вышли изъ одной мастерской или являются произведеніемъ рукъ одного и того-же мастера.

Принимая это во вниманіе, становится для насъ особенно важнымъ тотъ историческій фактъ, что Семенъ Владиміровичъ былъ современникомъ Василія Дмитріевича, а не Василія Темнаго, при которомъ онъ княжилъ всего только послѣдній годъ своей жизни. Еслибъ описанная монета князя Семена могла быть признана копіею съ типа Темнаго, то время ея чеканки должно-бы опредѣлиться концомъ 1425 или началомъ 1426 года, ни раньше, ни позже. Между тѣмъ, просматривая серію типовъ монетъ Семена Владиміровича, каждый нумизматъ признаетъ, что описанный нами типъ долженъ быть отнесенъ, по сравненію съ другими, къ числу болѣе раннихъ выпусковъ монетъ этого княженія. Да и вообще говоря, когда удается установить фактъ подражанія какого-либо типа монеты, всегда вѣрнѣе предполагать существованіе хотя-бы нѣкотораго промежутка между временемъ изготовленія оригинала и копіи или подражанія. Въ данномъ случаѣ, если этотъ промежутокъ былъ не менѣе хотя-бы одного года, то монеты съ именемъ Василія, описанныя подъ №№ 106—111, не могли быть чеканены при Васильѣ Васильевичѣ, но были изготовлены при Василіѣ Дмитріевичѣ.

Эти монеты изданы Чертковымъ подъ № 18 (Табл. II фиг. 3), Рейхелемъ подъ № 64—68, гр. Чапскимъ подъ № 401 и А. В. Орѣшниковымъ подъ №№ 507—510. Чертковъ выразилъ мнѣніе, что загадочныя буквы „РАРА“ на лиц. ст. могутъ означать „имя денежника, ошибочно начертанное“; это-же предположеніе повторено и гр. Чапскимъ. А. В. Орѣшниковъ приводитъ, не подвергая его разбору, мнѣніе гр. Уварова (Древности, Т. I, стр. 9), который старался объяснить

РАРА (I), сближая это слово (?) съ именемъ весьма мало извѣстнаго славянскаго бога Рарахъ или Рарашекъ, о почитаніи котораго въ Россіи ничего не извѣстно; объясненіе это, явно натянутое, не удовлетворяетъ современнымъ требованіемъ научной критики, хотя въ свое время могло казаться возможнымъ. Судя по монетѣ Семена Владиміровича, можно было-бы предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ окончаніемъ надписи другой стороны, но „Князь велики Василирара (i)“ никакого смысла не даетъ, оба предложенныхъ объясненія крайне сомнительны, а потому слѣдуетъ пока оставить загадочную надпись „Рараі“ необъясненною.

№ 112 приписывался обыкновенно княженію Темнаго. Сходство об. стороны съ об. № 111 заставляетъ признать, что обѣ монеты относятся къ одному княженію. Несомнѣнная, на мой взглядъ, копія съ лицевой стороны встрѣчается на продолговатыхъ деньгахъ, описанныхъ А. В. Орѣшниковымъ подъ № 989 и отнесенныхъ имъ къ разряду „неопредѣленныхъ“. Совершенно ясно, однако, что онѣ по времени чеканки относятся къ концу XIV вѣка—началу XV вѣка; поэтому, и вѣроятный оригиналъ ихъ, т. е. № 112, долженъ быть относимъ, къ княженію Василія Дмитріевича, а не его сына.

Описанныя мною подъ №№ 113—117 деньги доселѣ тоже всегда приписывались княженію Василія Васильевича: у Черткова экземпляръ такого типа описанъ подъ № 17 (на таблицахъ не изображенъ). А. В. Орѣшниковымъ имѣющіеся въ Историческомъ музеѣ экземпляры помѣчены №№ 511—514, у гр. Чапскаго № 414, у Шодуара № 109 и т. д. Впрочемъ, Чертковъ въ примѣчаніи къ №№ 16—18 (на стр. 18) уже отмѣтилъ, что: „изображеніе на этихъ деньгахъ одно изъ древнѣйшихъ: человѣка съ сѣкирой видимъ на монетахъ XIV вѣка“. А. В. Орѣшниковъ тоже замѣтилъ (стр. 97), что является сомнѣніе, могли-ли одновременно съ подобнымъ (съ изображеніемъ Самсона или Геракла со львомъ, время чеканки которыхъ, вѣроятно, относится къ 1425 г.) типомъ чеканиться монеты съ архаическимъ типомъ человѣка съ сѣкирою и саблею и другими типами, которыя приписываютъ обыкновенно Василію Темному? Подобныя соображенія заставляютъ вопросъ о распредѣленіи денегъ между Василіемъ Дмитріевичемъ и его сыномъ оставить пока открытымъ...“ Въ выноскѣ на той-же страницѣ онъ говоритъ: „какъ объяснить появленіе арабской надписи съ именемъ Тохтамыша на монетѣ № 511 при Василіѣ Васильевичѣ? Не вѣрнѣе-ли считать эту деньгу чеканенною его отцомъ, хотя и легкаго вѣса; но вопросъ о вѣсѣ монетъ Василія Дмитріе-

вича еще не рѣшенъ"... № 511 у А. В. Орѣшникова соотвѣтствуетъ монетѣ, описанной мною подъ № 115.

Всякій, занимавшійся допетровскимъ періодомъ Русской нумизматики, и я, конечно, въ томъ числѣ, всегда признавалъ особую авторитетность за мнѣніями Черткова и Орѣшникова. Если первый изъ нихъ и далъ себя обмануть поддѣлывателямъ старины и призналъ подлинными рядъ фальшивыхъ монетъ, а второй неудачно, по моему личному мнѣнію, увлекся идеей расширить рамки нумизматическаго матеріала, приписываемаго вел. княжеству Нижегородско-Суздальскому, то все-же оба они, одинъ въ первой половинѣ истекшаго столѣтія, а другой въ наши дни, являются наиболѣе надежными руководителями и признанными знатоками въ этой темной доселѣ области. И тотъ, и другой выражали сомнѣніе въ вѣрности опредѣленія и, скажу больше, явно склонялись (особенно Орѣшниковъ) въ пользу отнесенія занимающаго насъ типа къ серіи монетъ Василія Дмитріевича. Я лично внутренно убѣжденъ, что эти деньги слѣдуетъ относить именно къ его княженію, а не къ княженію его сына, а потому и описываю ихъ здѣсь: за такое опредѣленіе ихъ говоритъ, конечно, ихъ типъ, а вѣсъ, мнѣ кажется, ему рѣзко не противорѣчитъ. Конечно, внутреннее убѣжденіе — не есть научное доказательство, какого пока у меня не хватаетъ, но при отсутствіи научныхъ доказательствъ въ пользу отнесенія ихъ къ Василію Темному, нѣтъ грѣха подчиниться этому убѣжденію, не скрывая, конечно, истины и не прячась за quasi-доказательства.

Средній вѣсъ принадлежащихъ мнѣ 11 экземпляровъ этого типа равняется $16^1/_2$ доли; но если исключить № 110, у котораго не хватаетъ кусочка и очень стертаго экземпляра изъ пяти, помѣченныхъ мною № 116, то средній вѣсъ повысится до 17 долей, причемъ одинъ экземпляръ (см. № 116) вѣситъ даже 18 долей. Такимъ образомъ, средній вѣсъ ихъ ниже средняго вѣса №№ 106—111 всего на одну или на $1^1/_2$ доли и значительно выше средняго вѣса денегъ, приписываемыхъ съ полною вѣроятностью или же съ увѣренностью княженію Василія Темнаго. Среди монетъ, всѣми-обыкновенно приписываемыхъ Василію Дмитріевичу, отмѣтимъ (№№ 68—69) такія, которыя въ среднемъ вѣсятъ $17^1/_4$ доли. Если признать, что перемѣна въ вѣсѣ произошла при Василіѣ Темномъ, то придется какъ тѣ, такъ и эти деньги отнести къ его княженію; если же удастся доказать, что эта перемѣна произошла уже при Василіѣ Дмитріевичѣ (что, между прочимъ, весьма вѣроятно), то совпаденіе вѣса №№ 110—115 съ вѣ-

сомъ №№ 67 и 68, принимая во вниманіе типъ человѣка съ мечемъ и топоромъ, рѣшаетъ вопросъ въ пользу отнесенія ихъ къ княженію отца, а не сына.

Описанныя мною подъ №№ 120—125 монеты принадлежатъ къ числу рѣдкихъ, имѣющихся далеко не во всѣхъ крупныхъ нумизматическихъ собраніяхъ. Судя по этому, онѣ, вѣроятно, были выпущены въ обращеніе въ ограниченномъ количествѣ. Впервые онѣ изданы были въ 1851 г. княземъ Долгоруковымъ (Зап. Арх. Общ. Т. III) и экземпляры, имъ описанные, поступили въ мое собраніе. Долгоруковъ къ описанію ихъ присоединилъ слѣдующее примѣчаніе (стр. 46): „хотя на описанныхъ нами монетахъ не находится отчества, а на одной даже самаго имени великаго князя, но по самому характеру штемпелей, не имѣющихъ ни малѣйшаго сходства съ монетами великаго князя Василія Васильевича Темнаго, можно достовѣрно приписать ихъ великому князю Василію Дмитріевичу. По вѣсу и величинѣ (трехъ послѣднихъ нумеровъ) должно полагать, что это были полденьги". Я вполнѣ согласенъ съ этимъ разсужденіемъ, а потому и издаю эти „полуденьги" въ серіи монетъ Василія Дмитріевича. Четыре изъ нихъ вѣсятъ по 11 долей, а двѣ по 9, т. е. первыя ровно половину предполагаемаго нормальнаго вѣса большинства денегъ Василія Дмитріевича, а вторыя — ровно половину средняго вѣса денегъ, описанныхъ мною подъ №№ 106—111. Хотя разницѣ въ вѣсѣ въ 2 доли, при несовершенствѣ способа чеканки средневѣковыхъ русскихъ монетъ, и нельзя придавать преувеличеннаго значенія, но фактъ этотъ все-же достоенъ быть отмѣченнымъ.

Изъ извѣстныхъ типовъ „полуденьги" ближе всего подходятъ къ №№ 2—4 моего описанія, а также къ нѣкоторымъ деньгамъ князя Андрея Дмитріевича Можайскаго, брата Московскаго великаго князя. Кромѣ упомянутыхъ мною выше денегъ этого князя, въ моемъ собраніи находится шесть экземпляровъ монетъ съ его-же именемъ, изъ Рузскаго клада (см. мою статью „Три клада..." въ Зап. нашего Общества Т. IV, нов. серія, стр. 44), лицевая сторона которыхъ не только по типу, но и по размѣру штемпеля совпадаетъ съ лиц. ст. нашихъ „полуденегъ". Вѣсъ ихъ, однако, иной, а именно 17, 17, 16, 16, 16, 15 долей, почему ихъ слѣдуетъ считать деньгами, но никакъ не полуденьгами.

Вотъ ихъ описаніе: на лиц. ст. подгрудное изображеніе человѣка въ профиль направо, держащаго передъ собою саблю; изображеніе заключено въ кружокъ, на однихъ штемпеляхъ бусовый, на

другихъ—линейный; круговая надпись: КНАЗЬОНАРѢІАМИ ; на об. ст. четырехстрочная надпись:

КНА
ЗЬОНАР
ѢІАМИТ
РЕВУЬ

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что на лиц. ст. № 123, человѣкъ держитъ передъ собою не саблю, а вѣтку съ тремя плодами (или листьями), что сближаетъ этотъ типъ съ деньгами, описанными мною подъ №№ 103—105.

Описанныя подъ послѣдними тремя №№ деньги причислены мною къ монетамъ Василія Дмитріевича не безъ сомнѣній. Всѣ онѣ безъ имени вел. князя, а послѣдній № даже безъ всякой надписи. Лиц. ст. № 126 ближе всего подходитъ по типу къ № 81, хотя и болѣе грубой работы. Во всякомъ случаѣ, я не могъ подыскать въ допетровскомъ нумизматическомъ матеріалѣ болѣе сходнаго типа. № 127 настолько однороденъ съ предъидущимъ №, что я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ вышелъ изъ одной мастерской. Послѣдній № 128 является какъ-бы переходнымъ типомъ между монетами Василія Дмитріевича и его сына. Вслѣдствіе того, что 3 экземпляра этой деньги нашлись въ Рузскомъ кладѣ, считаю возможнымъ отнесеніе этого типа къ серіи монетъ Василія Дмитріевича.

Описанными подъ 128 номерами монетами я пока ограничиваю условно нумизматическій матеріалъ времени княженія Василія Дмитріевича. Я обосновалъ свои опредѣленія или опредѣленія моихъ предшественниковъ тѣми соображеніями, которыя привели меня къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ выводамъ. Но не слѣдуетъ изъ этого заключать, что я считаю вопросъ о составѣ нумизматическихъ памятниковъ этого княженія исчерпаннымъ. Для этого нужно произвести еще двѣ довольно сложныхъ и требующихъ не мало времени работы: во первыхъ, подробно изслѣдовать серію монетъ, приписываемыхъ Василію Васильевичу Темному, такъ какъ, при одноименности отца и сына, княжившихъ въ сложности 73 года, необходимо разобраться точнѣе въ вопросѣ о томъ, кому изъ нихъ слѣдуетъ приписать ту или другую монету, тотъ или другой монетный типъ, на что вполнѣ вѣрно указалъ и А. В. Орѣшниковъ; во вторыхъ, необходимо, въ связи съ этимъ, изслѣдовать и сравнить типы монетъ съ именами

такъ называемыхъ удѣльныхъ князей этого періода, а также монетъ съ двумя княжескими именами, называемыхъ „союзными“. Пока этого не сдѣлано, нельзя съ какой-либо увѣренностью говорить хотя-бы о приблизительной полнотѣ списка типовъ времени княженія Василія. Дмитріевича; но мнѣ казалось тоже неправильнымъ изъ-за желанія достигнуть относительной полноты такого списка (абсолютной все-равно, конечно, не добиться) откладывать на неопредѣленное время опубликованіе уже обслѣдованнаго матеріала. Но этого мало: прежде чѣмъ идти дальше, необходимо было разработать хоть тотъ матеріалъ, который казался опредѣлимымъ, и только послѣ этого продолжать изслѣдованіе.

Изъ изложеннаго читатель пойметъ, что при описаніи монетъ, приписываемыхъ обычно княженію Василія Васильевича, извѣстное количество типовъ, можетъ быть, будетъ еще отнесено ко времени княженія его отца, но, можетъ быть, и нѣтъ, но что во всякомъ случаѣ, число типовъ и разновидностей денегъ, относящихся къ княженію Василія Дмитріевича, не можетъ считаться хотя-бы приблизительно исчерпаннымъ, пока не будутъ описаны и изслѣдованы всѣ извѣстные штемпеля XIV и первой половины XV вѣка, на которыхъ имѣется имя „Василія“. Пока же я ограничился тѣмъ, что описалъ тѣ монеты, которыя я считаю лично возможнымъ съ полнымъ для меня вѣроятіемъ, а большинство и съ увѣренностью, отнести къ этому княженію.

Предстоящая работа не изъ легкихъ и, боюсь, потребуетъ много времени, хотя когда-нибудь должна быть исполнена, если сознается серьезная потребность въ научной систематизаціи нумизматическаго матеріала доцарскаго періода Русской исторіи. Необходимость такой систематизаціи мною лично давно чувствовалась, почему мною и были когда-то изданы три монографіи, посвященныя этой области русской старины. Нѣтъ нужды, и мнѣ лично это даже было-бы непристойно, останавливаться надъ вопросомъ, хорошо ли, или дурно я справился тогда со своими задачами, но слѣдуетъ сказать, что самая задача была куда легче той, къ которой я приступилъ теперь. Дѣйствительно, при изслѣдованіи вопроса о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ кіевскаго періода, отнесенныхъ мною ко времени Владиміра Святого, Святополка и Ярослава, къ моимъ услугамъ была обширная литература по вопросу, причемъ литературный матеріалъ, хотя и не былъ равноцѣненъ, но въ него входили труды серьезныхъ ученыхъ, отчасти даже первоклассныхъ русскихъ историковъ и археологовъ, знакомыхъ со

строго-научными методами изслѣдованія и примѣнявшихъ эти методы къ данному вопросу. Монеты обоихъ вольныхъ городовъ, Новгорода и Пскова, представляютъ довольно однородный матеріалъ, относящійся къ сравнительно краткому періоду времени, причемъ, по счастливой случайности, въ лѣтописяхъ сохранились, хотя лаконическія, но довольно опредѣленныя указанія на начало чеканки монетъ въ этихъ городахъ. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ съ тѣмъ матеріаломъ, изслѣдованіе котораго мною предпринято теперь.

Признаюсь откровенно: не одинъ недостатокъ времени, но и трудность самой задачи удерживали меня доселѣ отъ продолженія того, что мною было начато еще почти 30 лѣтъ тому назадъ. Если я наконецъ и рѣшился на это, то совсѣмъ не потому, чтобы думалъ, что задача стала легче, но скорѣе потому, что никто за нее не принимается, а между тѣмъ необходимо сдвинуть вопросъ съ мертвой точки, на которой онъ стоитъ, да и вещнаго матеріала, въ видѣ тысячъ монетъ, накопилось у меня за это долгое время очень много, и хотя въ значительной части онъ остается столь-же загадочнымъ, какъ и раньше (подразумѣваю такъ называемыя „неопредѣленныя“ монеты, которыя можно-бы, кажется, съ такимъ-же правомъ назвать пока „неопредѣлимыми“), но совѣстно оставлять его лежать въ коллекціи втунѣ, неиспользованнымъ...

Въ самомъ дѣлѣ, на что могли-бы мы опираться, изслѣдуя монетное дѣло въ Россіи XIV и начала XV вѣка, кромѣ самихъ, часто „нѣмыхъ“, памятниковъ, въ видѣ плохо чеканенныхъ, обыкновенно дурно сохранившихся денегъ? Документовъ и лѣтописныхъ свѣдѣній — никакихъ, свидѣтельствъ современниковъ — тоже. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыя дошли до насъ, относятся къ болѣе поздней эпохѣ, и если и могутъ быть использованы для нашихъ цѣлей, какъ увидимъ ниже, то не безъ оговорокъ. Спеціальная литература вопроса тоже не можетъ быть признана богатою.

Я совершенно согласенъ съ А. В. Орѣшниковымъ (стр. VI), что изъ изданныхъ до 1896 года сочиненій наилучшимъ трудомъ по русской средневѣковой нумизматикѣ слѣдуетъ признать „Описаніе древнихъ русскихъ монетъ“ Черткова. Составленное въ 1834 году, „Описаніе“, несмотря на всѣ свои достоинства, не можетъ, конечно, удовлетворять современнымъ требованіямъ научной критики, которыя въ наши дни предъявляются и въ области нумизматики, какъ отрасли археологіи, а потому не можетъ считаться уже ученымъ сочиненіемъ, оставаясь, однако, полезнымъ руководствомъ для собирателей монетъ, для коллекціонеровъ.

Въ 1896 году появился I выпускъ каталога монетной коллекціи Историческаго Музея, подъ заглавіемъ „Русскія монеты до 1547 года“, составленный А. В. Орѣшниковымъ. Такъ какъ собраніе Черткова, цѣликомъ поступило въ Историческій Музей, то, по существу, трудъ Орѣшникова явился новымъ, весьма значительно дополненнымъ и научно систематизированнымъ изданіемъ сочиненія Черткова, нетолько могущимъ его замѣнить цѣликомъ, но благодаря личнымъ качествамъ составителя и его широкимъ познаніямъ въ области нумизматики, явившимся первымъ и пока единственнымъ вполнѣ научнымъ пособіемъ въ области русской нумизматики періода съ конца XIV до средины XVI вѣка.

То обстоятельство, что я не согласенъ съ нѣкоторыми выводами и опредѣленіями уважаемаго автора „Русскихъ монетъ до 1547 года“, не умаляетъ въ моихъ глазахъ значенія его труда: ни А. В. Орѣшниковъ, ни я, ни кто-либо другой изъ лицъ, посвятившихъ свой трудъ на изученіе русской старины, не могутъ претендовать нетолько на непогрѣшимость, но даже просто на то, чтобы избѣгнуть скептическаго отношенія къ дѣлаемымъ ими выводамъ, и, конечно, не въ томъ дѣло, что я думаю, что нашелъ, или дѣйствительно нашелъ и найду погрѣшности въ его трудѣ. Важно то, что съ 1896 года русская нумизматика обладаетъ, благодаря А. В. Орѣшникову, превосходно систематизированнымъ и отлично изданнымъ матеріаломъ, относящимся къ той части ея, которая наименѣе ясна, а потому настойчиво требуетъ обработки, причемъ начало такой вполнѣ научной обработки и дано трудомъ, о которомъ я говорю.

При всѣхъ крупныхъ достоинствахъ труда А. В. Орѣшникова, онъ представляетъ собою, однако, не систематическое изслѣдованіе монетъ даннаго періода, а каталогъ монетъ опредѣленнаго собранія, подвергшійся научной обработкѣ, что, какъ каждому понятно, не одно и то-же, и заставило автора этого каталога ограничивать свои остроумныя догадки, свои ученые выводы краткими намеками или простыми ссылками на другія сочиненія и статьи, избѣгая полемики или сложныхъ и пространныхъ доказательствъ въ пользу своихъ или чужихъ мнѣній.

Послѣ 1896 года, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ по размѣру, но весьма содержательныхъ статей того-же А. В. Орѣшникова, почти ничего нетолько выдающагося въ научномъ отношеніи, но хотя-бы маломальски цѣльнаго, въ области русской нумизматики занимающаго насъ періода не появлялось...

Итакъ, вотъ чѣмъ приходится довольствоваться, приступая къ изслѣдованіямъ: письменныхъ свидѣтельствъ — почти никакихъ, съ трудомъ „дешифрируемые“ памятники, а по части литературы вопроса—рядъ каталоговъ, изъ которыхъ только одинъ, изданный 15 лѣтъ тому назадъ, научно составленъ и обработанъ, да нѣсколько небольшихъ статей... Невольно колеблешься приступать къ сложной работѣ, въ которой пока, можно сказать, все неясно и въ которой путеводная нить ежеминутно ускользаетъ изъ рукъ. Признаюсь, что вполнѣ чувствую неудобства своего начинанія.

Когда въ недавней статьѣ (см. Зап. нумизматич. отдѣленія т. I, вып. 4-й, стр. 138) я началъ разборъ Русскихъ средневѣковыхъ монетъ, мнѣ пришлось естественно имѣть дѣло съ деньгами, на которыхъ стоитъ имя Великаго князя Дмитрія, въ полномъ согласіи со всѣми моими предшественниками, безъ особыхъ колебаній приписанными мною Донскому. Типовъ съ этимъ именемъ немного, современниковъ, которымъ можно было-бы приписать чеканку въ то время монетъ, тоже небольшое число, да и тѣ, которыя имъ когда-либо приписывались нумизматами, возбуждали такія серьезныя сомнѣнія относительно правильности опредѣленія, что могли почти не быть принимаемы во вниманіе. Кромѣ ряда монетъ, изданныхъ Чертковымъ, а затѣмъ, благодаря его авторитету, Сахаровымъ, поддѣльность которыхъ давно доказана и несомнѣнна для всякаго серьезнаго нумизмата, можно указать на такія, на которыхъ никакихъ надписей разобрать нельзя, или же можно разобрать отдѣльныя буквы, обрывки предполагаемыхъ именъ, подавшіе поводъ приписать ихъ тому или другому князю, современнику Донского или даже предшественникамъ его: И И толковалось, какъ „Иванъ Ивановичъ“, Т Р І или М. Р І, какъ Димитрій (и деньги съ такою надписью приписывались Димитрію Константиновичу Суздальскому), С Е, какъ Семенъ, Ф, какъ Федоръ и т. п. Благодаря такимъ коньектурамъ, возникли и держатся еще довольно твердо предположенія о чеканкѣ монетъ съ именами великихъ князей Рязанскихъ со средины XIV вѣка, Нижегородско-Суздальскихъ съ того-же времени и нѣкоторыхъ другихъ. Предположенія эти, однако, такъ предположеніями и остаются, основываясь исключительно на болѣе или менѣе удачныхъ коньектурахъ, т. е. восполненіяхъ дурно сохранившихся или путаныхъ легендъ недостающими буквами къ

тому имени, которое стараются или надѣются прочесть на той или другой монетѣ. Такой способъ чтенія надписей, при отсутствіи другихъ, подкрѣпляющихъ предположенія данныхъ, является весьма ненадежнымъ орудіемъ классификаціи, завися всецѣло отъ личныхъ взглядовъ и отъ остроумія отдѣльныхъ изслѣдователей; строить научныя заключенія на такихъ выводахъ, по совѣсти, трудно, и слѣдуетъ съ ними подождать, пока не найдутся экземпляры съ полными и ясными, не возбуждающими спора, надписями, на основаніи которыхъ опредѣлятся другія монеты того-же типа или той-же фактуры.

Разобраться во всемъ этомъ путанномъ и не внушающемъ пока большого довѣрія матеріалѣ возможно будетъ, мнѣ кажется, только тогда, когда обслѣдованы будутъ основательно тѣ монеты, опредѣленіе которыхъ внушаетъ довѣріе, по ясности находящихся на нихъ надписей и по возможности сравнивать ихъ съ другими монетами, имѣющими другія, но тоже ясныя надписи, что́ менѣе подвержено субъективнымъ впечатлѣніямъ и не основано на болѣе или менѣе смѣлыхъ догадкахъ.

Строго говоря, мы пока вправѣ только утверждать, что изъ монетъ, чеканенныхъ, по всѣмъ признакамъ, въ XIV вѣкѣ, у насъ имѣется нѣкоторое количество типовъ съ яснымъ обозначеніемъ имени „Великаго князя Димитрія“, которые могутъ быть, съ большою вѣроятностью, относимы къ княженію Димитрія Донского; существованіе монетъ съ другими именами, относящихся ко времени до 1389 года, т. е. года смерти Донского, мы фактически пока подтвердить не можемъ.

Совершенно иная картина развертывается передъ нами, какъ только мы переходимъ къ изученію нумизматическихъ памятниковъ времени княженія Василія Дмитріевича. Рядомъ съ серіею разновидностей, могущихъ отчасти съ абсолютною достовѣрностью быть приписанными денежникамъ этого государя, намъ извѣстно весьма значительное количество монетъ съ ясными надписями, дающими рядъ именъ его современниковъ: Владиміра Андреевича Боровскаго (1353—1410), его сына Семена Владиміровича (1410—1426), братьевъ Василія Дмитріевича, Юрія, Андрея, Петра Дмитріевичей, Ивана Федоровича Рязанскаго, Ивана и Даніила Борисовичей Суздальскихъ, Ивана Михаиловича Тверского (1399—1426) и т. д. Всѣ они представлены своими именами, ясно отчеканенными, на монетахъ этого періода; мало того, оба вольныхъ города, Новгородъ и Псковъ, тоже начинаютъ чеканку своей монеты къ концу княженія того-же Василія Дмитріевича. Если отдѣльные князья, какъ напримѣръ, Владиміръ Андреевичъ

Храбрый, принимая во вниманіе время его княженія, могли чеканить монету еще при Донскомъ, то доказать, что они это дѣлали, мы не можемъ, но что деньги съ ихъ именемъ чеканились при Василіѣ Дмитріевичѣ—въ этомъ сомнѣваться мы не можемъ.

Однимъ словомъ, тогда какъ для времени княженія Донского приходится вращаться въ области догадокъ и явныхъ натяжекъ, когда стараются приписать ту или другую монету одному изъ его современниковъ, при его сынѣ мы смѣло можемъ говорить о широкой распространенности чеканки денегъ съ большимъ обиліемъ собственныхъ именъ, легко отожествляемыхъ. Очевидно, именно въ это княженіе обычай чеканить монету съ именами даже второстепенныхъ и третьестепенныхъ (напр. Ростовскихъ или Верейскихъ) князей твердо установился, такъ что нумизмату, занимающемуся этою эпохою, скорѣе приходится удивляться, что нѣтъ еще монеты съ именемъ какого либо извѣстнаго по лѣтописямъ, договорамъ или инымъ актамъ князя, чѣмъ тому, что на деньгахъ проставлено имя еле-извѣстнаго, и то лишь изъ родословныхъ или иныхъ подобныхъ записей, князька.

И тутъ мы наталкиваемся на странный фактъ, на который доселѣ, кажется, не обращали того вниманія, какого онъ заслуживаетъ: если повѣрить тѣмъ, которые приписываютъ рядъ монетныхъ типовъ современникамъ Донского, то эти князья, до 1389 года (по крайней мѣрѣ), какъ-будто сговорившись, чеканили какую-то нѣмую или полунѣмую монету, на которой о ихъ именахъ можно только догадываться, когда въ то-же время какой-то (выразимся такъ, ради осторожности) „Великій князь Димитрій“ довольно ясно выставлялъ свое имя на своихъ деньгахъ. При Василіѣ Дмитріевичѣ все это (становлюсь на точку зрѣнія твердо вѣрящихъ въ существованіе монетъ съ именами современниковъ Донского) рѣзко мѣняется, и анонимать или близкая къ нему загадочность надписей обращается въ удобочитаемыя имена и отчества, сопровождаемыя, повидимому, болѣе или менѣе правильною титулатурою.

Признаться, этотъ фактъ, если допустить его существованіе, кажется мнѣ крайне загадочнымъ, даже совершенно необъяснимымъ безъ искусственныхъ построеній.

Другое, не менѣе загадочное явленіе состоитъ въ слѣдующемъ. Среди монетъ, приписываемыхъ мною и моими предшественниками Дмитрію Ивановичу, Василію Дмитріевичу и современникамъ послѣдняго, встрѣчаются типы различной фактуры, различнаго „стиля“: есть сравнительно хорошей работы, есть и достаточно грубой; есть деньги

довольно правильной формы, но есть и неправильной, продолговатой, столь знакомой всѣмъ русскимъ нумизматамъ по отдѣлу, именуемому обычно разрядомъ „неопредѣленныхъ“. Но, если среди точно опредѣленныхъ или съ достаточною вѣроятностью опредѣлимыхъ монетъ встрѣчаются монеты и той, и другой фактуры, то почти положительно всѣ монеты, относимыя, хотя-бы съ оговорками, къ современникамъ и предшественникамъ Дмитрія, относятся къ разряду грубыхъ чекановъ продолговатой формы. Ихъ фактура такова, что во всякой другой области нумизматики ихъ, почти не колеблясь, отнесли-бы къ числу подражаній болѣе совершенныхъ типовъ. Всякій, хотя-бы нѣсколько знакомый, напримѣръ, съ классическою нумизматикою, греческою или римскою, знаетъ, что тамъ приходится встрѣчаться съ такъ называемыми „варварскими“ копіями, подражаніями извѣстныхъ типовъ. И вотъ, если спеціалисту по классической нумизматикѣ дать въ руки нѣкоторые, болѣе тщательно исполненные типы Василія Дмитріевича и его современниковъ, а съ другой стороны предполагаемыя монеты современниковъ Дмитрія, и спросить, что онъ думаетъ о тѣхъ и другихъ, я увѣренъ, что онъ высказалъ-бы предположеніе, что послѣднія—„варварскія подражанія“ русскимъ монетамъ. И я былъ-бы съ нимъ вполнѣ согласенъ. Вообще, слѣдуетъ напомнить, что грубость работы и неумѣлость исполненія далеко не всегда являются доказательствомъ сравнительной древности, а весьма часто и даже, можно сказать, гораздо чаще онѣ бываютъ признакомъ упадка, дегенераціи въ неумѣлыхъ рукахъ первоначальнаго, болѣе совершеннаго оригинала. Въ этомъ отношеніи археологи различаютъ „архаизмъ“, отмѣченный всегда наивностью искусства на первыхъ его шагахъ, и „упадочность“, характеризуемую грубостью исполненія, непониманіемъ изображаемаго. Такая „упадочность“ въ исполненіи присуща копіямъ, изготовленнымъ или позже (вскорѣ, или даже послѣ значительнаго промежутка времени—безразлично), или одновременно съ оригиналомъ менѣе развитыми или менѣе умѣлыми мастерами. И вотъ, я рѣшительно утверждаю, что громадное большинство такъ назыв. „неопредѣленныхъ“ и предположительно приписываемыхъ современникамъ Донского монетъ носятъ на себѣ отпечатокъ не архаической наивности, а подражательной неумѣлости.

Установить правильный взглядъ въ этомъ вопросѣ, при скудости письменныхъ данныхъ, существенно важно, почему я настойчиво обращаю на него вниманіе.

Какія же письменныя свидѣтельства объ организаціи монетнаго

дѣла въ Московской Руси имѣются въ нашемъ распоряженіи? До самого начала XVI вѣка, можно сказать, никакихъ. На рубежѣ XV и XVI вѣковъ мы встрѣчаемъ слѣдующія интересныя для насъ слова въ духовной Ивана III (умеръ въ 1505 г.): „а сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣламъ въ Московской землѣ и въ Тферской денегъ дѣлати не велятъ; а деньги велитъ дѣлати сынъ мой Василей на Москвѣ и въ Тфери, какъ было при мнѣ. А откупъ вѣдаетъ сынъ мой Василей, а въ откупъ у него мои дѣти Юрьи зъ братьею не вступаются". (Собр. Гос. гр. и дов. I стр. 397).

Еще позже, подъ 1533 годомъ встрѣчаемъ лѣтописное свидѣтельство о казняхъ, совершенныхъ надъ изготовителями „воровскихъ" денегъ, а подъ 1535 годомъ (П. Собр. Р. Лѣт. Т. VI, стр. 296) повѣтствуется, какія манипуляціи „безумные человѣци" примѣняли къ изготовленію маловѣсныхъ или низкой пробы денегъ, причемъ говорится, что: „тѣмъ злымъ обычаемъ клятвы и злыхъ словесъ и пренія злаго всю землю наполнили, понеже сіи худыя деньги овіи хвалятъ, а иные хулятъ, и того ради въ людяхъ клятвы и злыхъ словесъ безъ числа наполнися..." Изъ приведенныхъ отрывковъ мы въ правѣ заключить слѣдующее: 1) что во второй половинѣ XV вѣка (Иванъ Васильевичъ княжилъ съ 1462 года) денежники откупали у Великаго Князя право чеканить монету, 2) что откупная система вела къ крупнымъ злоупотребленіямъ въ монетномъ дѣлѣ и 3) что маловѣсныя деньги или деньги, плохое изготовленіе которыхъ, въ началѣ XVI вѣка, вызывало строгія репрессіи правительства, имѣли въ населеніи, какъ это ни странно, своихъ сторонниковъ, а не только однихъ хулителей.

Всѣ эти свѣдѣнія относятся не къ первой половинѣ XV вѣка и не къ XIV-му вѣку, но мы въ правѣ допустить, что они въ извѣстной мѣрѣ, а можетъ быть, и цѣликомъ примѣнимы также къ тому, болѣе отдаленному времени. Впрочемъ, мы имѣемъ даже прямое лѣтописное свидѣтельство, относящееся къ срединѣ XV вѣка (именно подъ 1447 г.) о томъ, что не въ Москвѣ, а въ Новгородѣ были безпорядки и даже казни по поводу злоупотребленій въ монетномъ дѣлѣ; тамъ-же говорится о пяти денежныхъ мастерахъ, которымъ была предоставлена чеканка монетъ, какъ можно понять, съ правомъ своего рода процентнаго удержанія въ свою пользу за работу. Это свѣдѣніе не противорѣчитъ тѣмъ, которыя мы имѣемъ для болѣе поздняго времени, для Москвы, и которыя приведены выше.

Если разсматривать имѣющійся у насъ матеріалъ, въ видѣ мо-

нетъ, съ той стороны, на которую указываютъ приведенныя отрывочныя свѣдѣнія, то мы видимъ, во первыхъ, что разнообразіе типовъ, бросающаяся въ глаза разница въ работѣ штемпелей и во внѣшнемъ видѣ монетъ проще всего можетъ быть объяснена тѣмъ предположеніемъ, что онѣ изготовлялись въ разныхъ мастерскихъ и притомъ весьма самостоятельно, безъ сколько-нибудь строгаго надзора со стороны правительственной власти, почему происходили всякія неурядицы. Такое состояніе денежнаго дѣла ближе всего соотвѣтствуетъ откупной системѣ

Во вторыхъ, разница въ вѣсѣ и во внѣшнемъ видѣ серебра монетъ разныхъ типовъ, но также и монетъ одинаковыхъ типовъ наводитъ на мысль нетолько о небрежности, но и о злоупотребленіяхъ, выгодныхъ, конечно, для откупщиковъ или для другихъ изготовителей денегъ [1]).

Въ третьихъ, многочисленность монетъ плохой чеканки, съ искаженными надписями, разсчитанныхъ, вѣроятно, на безграмотность массы, да и не одной массы населенія, но даже и привиллегированныхъ классовъ (сами князья были часто малограмотны), для которыхъ видимость надписи, присутствіе нѣсколькихъ буквъ на монетѣ казались достаточною гарантіею ея цѣнности, доказываетъ широкую распространенность такой плохой работы денегъ, изготовленныхъ какъ-бы „кустарнымъ“ способомъ. Но самая распространенность такого рода издѣлій могла создать привычку къ нимъ, и тогда станетъ понятнымъ существованіе сторонниковъ „воровскихъ“ денегъ, изготовлявшихся „безумными“ (т. е. неумными, неучеными, безграмотными) людьми въ ущербъ правильности денежныхъ оборотовъ: такихъ денегъ было много, къ нимъ привыкли, а правительство ихъ не признавало, не принимало въ платежъ и выпускало хоть и хорошія деньги, да такія, къ которымъ населеніе не привыкло, а прочесть вѣдь ни на тѣхъ, ни на другихъ, все равно, ничего не могло, за малограмотностью.

---

1) Средній вѣсъ монетъ Василія Дмитріевича типа съ пѣтухомъ—20,5 долей; типа съ барсомъ—20 долей; типа безъ изображеній, съ надписями (№ 31—34)—20,5 долей; типъ съ сокольникомъ (№№ 35—50)—20 долей; типъ всадника, не держащаго ничего въ рукахъ (№ 51)—20,5 долей; типъ всадника съ мечемъ (№№ 52—67)—21 доля; того-же типа (№№ 68—69)—17,2 доли, типъ всадника съ копьемъ (№№ 73—81)—22,2 доли; типъ со львомъ и скорпіономъ (№№ 83—89)—22 доли; типъ съ надписями (№№ 90—91)—21,5 доли; другой типъ съ надписями (№№ 93—97)—21,8 доли; съ головою Горгоны—20,4 доли; въ головою въ татарской шапкѣ (103—105)—19,25 доли; съ надписью РАРАІ—18,2 доли; типа человѣка съ мечемъ (№ 113—118)—16,8 доли.

Подводя итогъ изложенному выше, мнѣ представляется наиболѣе пріемлемою слѣдующая картина состоянія монетнаго дѣла на Руси въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ.

Мысль чеканить собственную монету возникла въ Россіи тогда, когда почувствовалась возможность бороться съ татарскимъ игомъ, съ надеждою сбросить его, можетъ быть, окончательно. Такое чувство могло зародиться около времени Мамаева побоища; не непремѣнно вслѣдъ за нимъ, но даже нѣсколько раньше его, но едва-ли на много, а именно тогда, когда возникла рѣшимость у Дмитрія Донского бороться съ татарами въ открытомъ полѣ, съ надеждою, оправдавшеюся вскорѣ, побѣдить ихъ. Еще вѣроятнѣе, конечно, что чеканка собственной монеты началась тотчасъ послѣ одержанной побѣды. Мысль о чеканкѣ монеты съ именемъ Русскаго государя тѣмъ легче могла зародиться, что долговременная и почти полная зависимость отъ восточнаго народа должна была сроднить русскихъ людей съ мусульманскими идеями; между тѣмъ, извѣстно, какое значеніе мусульманскіе династы придавали чеканкѣ монетъ со своимъ именемъ, или одного, въ случаяхъ полной своей независимости, или совмѣстно съ именемъ сюзерена (напримѣръ, Халифа) въ тѣхъ случаяхъ, когда они пользовались полунезависимостью. Такую именно, не полную зависимость, а полунезависимость долженъ былъ чувствовать Димитрій послѣ побѣды надъ Мамаемъ и даже послѣ разгрома Москвы, учиненнаго Тохтамышемъ; такую-же полунезависимость чувствовалъ, навѣрно, его сынъ Василій въ началѣ своего княженія. Съ теченіемъ времени это сознаніе зависимости должно было падать у Василія Дмитріевича, замѣнившись въ концѣ его жизни чувствомъ простого опасенія передъ все еще могущественнымъ „Царемъ“ (какъ кратко, но характерно называли всегда русскіе князья хана Золотой Орды), похожимъ на то, которое имъ испытывалось по отношенію къ другому могущественному сосѣду—Литовскому великому князю.

Это полунезависимое отношеніе къ Ордѣ нашло себѣ, отчасти, выраженіе въ обозначеніи на всѣхъ монетахъ Димитрія Донского имени татарскаго хана; на монетахъ Василія Дмитріевича имя хана встрѣчается обыкновенно, но уже не всегда. Положеніе хана въ отношеніи къ Господарю всея Руси, великому князю Московскому, было уже къ этому времени таково, что ему приходилось чувствовать удовлетвореніе, что на монетахъ его „русскаго улуса“ не забывали давать мѣсто его имени. Помѣщеніе „Царскаго“ имени на деньгахъ не имѣло, однако, одно только политическое значеніе: тутъ несомнѣнно играло

неменьшую, если не большую роль то соображеніе, что въ Россіи долго въ ходу была, главнымъ образомъ, татарская монета, а потому люди привыкли видѣть на деньгахъ непонятныя, но характерныя арабскія надписи (не болѣе, впрочемъ, непонятныя для неграмотнаго большинства, чѣмъ невиданныя доселѣ на деньгахъ русскія письмена).

Гдѣ должна была начаться, естественнымъ образомъ, чеканка русской монеты въ концѣ XIV вѣка? Отвѣтъ напрашивается самъ собою: конечно, въ Москвѣ, такъ какъ съ Московскимъ княземъ къ этому времени хотя и спорили о старшинствѣ, хотя и окружали интригами и кознями, но онъ одинъ называлъ себя уже, по праву сильнаго, Господаремъ всея Руси, великимъ княземъ всея Руси. Такъ уже было при Дмитріѣ, а при его сынѣ Василіѣ положеніе Господаря (=главы рода, семьи) и его стольнаго города Москвы еще болѣе окрѣпло и все болѣе получало общее, вольное или невольное, признаніе.

Итакъ, вѣроятно, около 1383 года или немного раньше началась чеканка монетъ, прежде всего (какъ естественнѣе всего можно предположить) въ Москвѣ. Но здѣсь не было устроено монетнаго двора, о которомъ мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ и не можемъ имѣть, а чеканка новой монеты была сдана на откупъ мастерамъ, при Дмитріѣ, вѣроятно, немногимъ, за новизною самаго дѣла. Наряду съ новыми русскими деньгами, конечно, продолжали еще обращаться и прежнія татарскія, а княжескіе чиновники едва-ли особенно интересовались ходомъ монетнаго дѣла, заботясь, главнымъ образомъ, о правильномъ поступленіи откупа, подати съ денежниковъ. Забота о доброкачественности монеты, о достоинствѣ серебра, о вѣсѣ, наконецъ о внѣшнемъ видѣ денегъ предоставлялась самимъ денежникамъ и населенію: первые были заинтересованы въ томъ, чтобы монета, ими выпускаемая, заслужила довѣріе народа и имъ принималась, а населеніе само должно было слѣдить за тѣмъ, чтобы не попасть въ просакъ съ новыми деньгами. На монетахъ, приписываемыхъ пока всѣми Димитрію Донскому, стоитъ просто надпись: „Великаго князя Димитрія“, безъ отчества, безъ прибавки титула „всея Руси“, которымъ онъ несомнѣнно пользовался. Между тѣмъ, былъ въ то время и другой Дмитрій въ Суздалѣ, тоже претендовавшій на званіе Великаго Князя. Почему же не нашли денежники нужнымъ указать, отъ имени какого Димитрія чеканятся монеты? Самое простое и, мнѣ думается, ближайшее къ истинѣ объясненіе этого факта заключается въ томъ, что никто, кромѣ Димитрія Московскаго и „всея Руси“, и не думалъ въ

то время чеканить монету отъ своего имени. Именно поэтому денежники могли-бы нетолько проставлять на штемпеляхъ лишь лаконическое упоминаніе объ имени великаго князя, но даже совсѣмъ опускать его, чеканя монету просто отъ имени „Великаго Князя“, такъ какъ каждый долженъ былъ понимать, кто этотъ великій князь, зная что чеканятъ монету т о л ь к о отъ имени Великаго князя всея Руси, въ то время Московскаго Димитрія. Возможность и даже вѣроятность такого явленія подверждается наличнымъ нумизматическимъ матеріаломъ: довольно многочисленный рядъ денегъ съ надписью „Печать Великаго Князя“ безъ обозначенія имени, и по типу, и по фактурѣ весьма близко подходятъ къ деньгамъ Димитрія Ивановича и отчасти Василія Дмитріевича, причемъ допустимо предположеніе, что въ самомъ началѣ княженія послѣдняго монеты на Руси чеканились еще только отъ имени Московскаго Господаря. Допустивъ это объясненіе, становится понятнымъ, почему намъ извѣстно такъ мало типовъ денегъ съ именемъ Димитрія, а также почему монеты эти такъ рѣдко встрѣчаются, что во всѣхъ извѣстныхъ собраніяхъ ихъ имѣется въ сложности, только два или три десятка экземпляровъ. Напротивъ, монеты безъ имени князя хорошей чеканки, хотя и не встрѣчаются на каждомъ шагу, но не представляютъ собою и особенной рѣдкости. Но вѣдь Димитрій занималъ престолъ не одинъ и не два года, а цѣлыхъ 27 лѣтъ, и если вѣрно даже предположеніе, что начало чеканки монетъ отъ его имени слѣдуетъ относить скорѣе ко второй половинѣ его княженія, то все-же эта чеканка производилась, вѣроятно, не менѣе 6, а можетъ быть, и съ десятокъ лѣтъ. За такой промежутокъ времени должно было быть начеканено достаточное количество монетъ и притомъ различныхъ типовъ, такъ какъ техника монетнаго дѣла была довольно низкая, а потому требовалась частая замѣна штемпелей, пришедшихъ въ негодность, новыми; кромѣ того, невѣроятно предположеніе, что при немъ существовалъ только одинъ откупщикъ денежнаго дѣла, а если ихъ было нѣсколько, то и характеръ исполненія штемпелей и типъ чеканки должны были быть разнообразны. Всѣ эти апріорныя предположенія свободно укладываются въ теорію первоначальной чеканки монетъ въ Московскомъ великомъ княжествѣ, причемъ имя великаго князя на нихъ не выставлялось (подчеркиваю эту мысль), потому, что другіе великіе и просто князья не надумали еще, по примѣру Московско-Владимірскаго, отдавать на откупъ право чеканки денегъ отъ своего имени.

Всякое новшество не сразу входитъ въ обиходъ жизни, но оче-

видно, что потребность въ денежныхъ знакахъ должна была ощущаться, а потому, разъ заведенная, чеканка монетъ должна была рано или поздно привиться и получить распространеніе. Дѣйствительно, при преемникѣ Донского мы уже съ увѣренностью можемъ установить фактъ чеканки монетъ не только въ Московскомъ великомъ княжествѣ, но положительно во всѣхъ русскихъ областяхъ. Странное, на первый взглядъ, обстоятельство, что въ самой торговой части Россіи, т. е. въ сравнительно богатыхъ „вольныхъ“ городахъ Новгородѣ и Псковѣ начали чеканить монету только съ 1420 года, т. е. къ концу княженія Василія Дмитріевича, указываетъ, что обычай употребленія собственной монеты, сознаніе необходимости или хотя-бы пользы ея существованія возникли, однако, не сразу и не вездѣ тотчасъ послѣ появленія первыхъ русскихъ чеканныхъ знаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы согласимся съ тѣми авторами, которые старались приписать монеты съ отчасти неясными, отчасти безграмотными или путанными надписями ряду Нижегородско-Суздальскихъ, Рязанскихъ и другихъ князей съ средины XIV вѣка (а болѣе ранніе авторы относили такія монеты даже и къ XIII вѣку!), то получится такая картина, что чуть-ли не вся восточная Россія по крайней мѣрѣ полстолѣтія, а можетъ быть, и лѣтъ уже 70—75 пользовалась собственною монетою, пока надоумились и въ западной части ея начать чеканку монетъ, но начавши, сейчасъ-же завалили рынокъ чеканными знаками, такъ какъ изъ русскихъ монетъ XV вѣка наибольшее количество попадающихся относится, рядомъ съ московскими, именно къ новгородскимъ, псковскимъ и тверскимъ деньгамъ. Съ исторической и историко-археологической точекъ зрѣнія, такое явленіе представляется нетолько въ высшей степени страннымъ, но даже просто необъяснимымъ.

Представимъ себѣ, напротивъ, такой ходъ дѣла, что въ началѣ, главнымъ образомъ, въ видѣ политической манифестаціи, если можно такъ выразиться, чеканилъ монету въ Россіи одинъ Великій князь всея Руси и что такъ продолжалось нетолько до смерти Димитрія, но и послѣ его смерти въ первые года княженія Василія Дмитріевича. Потомъ, около 1400 года или даже немного позже, хотя-бы въ 1403 или 1404 году, началась чеканка монетъ съ именами дяди и братьевъ Великаго князя, а затѣмъ, конечно, одинъ за другимъ, начали чеканить и другіе князья, Суздальскіе, Рязанскіе, Тверскіе. Послѣдніе, напримѣръ, явно не чеканили монеты ранѣе 1399 года, такъ какъ первый Тверской великій князь, имя котораго попадается на моне-

тахъ этого княжества,—Иванъ Михайловичъ, сѣлъ на престолъ въ этомъ именно году. Княжилъ онъ до 1425 года, а потому мы не знаемъ, когда именно между этими двумя предѣльными годами началась чеканка денегъ съ его именемъ. Вѣрнѣе предположить, что это случилось не въ самомъ началѣ его 26-лѣтняго княженія, такъ какъ монеты его сравнительно рѣдки, а главное, намъ извѣстно только немного типовъ ихъ, что было-бы странно, еслибъ монеты при немъ чеканились втеченіе многихъ лѣтъ. Поэтому, мы вправѣ предположить, что чеканка тверской монеты началась не ранѣе средины его княженія, такъ между 1410 и 1420 годами, т. е. только немного ранѣе, чѣмъ въ Новгородѣ. Какъ извѣстно, есть довольно твердое основаніе думать, что примѣру Новгорода, его „младшій братъ", Псковъ послѣдовалъ только года черезъ 4—5. Какъ видитъ читатель, получается картина довольно ясная и понятная.

Я, конечно, не утверждаю, что ходъ монетнаго дѣла въ Россіи былъ именно таковъ, а не иной, но думаю, что я близокъ къ истинѣ, которую подтвердить или опровергнуть могутъ, главнымъ образомъ, клады, составъ которыхъ лучше всего укажетъ какіе типы обращались одновременно [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо подвергнуть внимательному пересмотру всю массу безъимянныхъ денегъ, а также денегъ съ неясными и туманными надписями. Этотъ нелегкій трудъ, долженъ быть направленъ, мнѣ кажется, не столько въ сторону „дешифровки" и исправленія загадочныхъ надписей, сколько въ сторону разбора и сравненія типовъ и фактуры, съ обращеніемъ вниманія не вѣсъ и пробу загадочныхъ денегъ. Но прежде, чѣмъ приступлено будетъ къ этой кропотливой работѣ, необходимо обезпечить себя твердою „базою", въ видѣ легче опредѣлимыхъ монетъ. Вотъ, почему я считаю себя въ правѣ не спѣшить съ нею и занялся монетами великаго княжества Московскаго, не думая, однако, скрывать тѣхъ выводовъ, къ которымъ, послѣ долгихъ колебаній, я пришелъ относительно совокупности монетнаго дѣла въ Россіи XIV и XV вѣковъ.

Если изложенная мною выше теорія вѣрна, то слѣдуетъ ожидать,

---

1) Еще лѣтъ 20 тому назадъ, описывая, къ сожалѣнію, не достаточно подробно и тщательно, „Рузскій кладъ (см. Зап. Т. IV, стр. 30—40), я высказалъ вскользь предположеніе, основанное на разборѣ состава его, что „продолговатыя деньги съ надписью „печать великаго князя" безъ имени собственнаго, относятся къ княженію Василія Дмитріевича". Такихъ „продолговатыхъ денегъ", относимыхъ большею частью нумизматами къ разряду „неопредѣленныхъ", было въ той части клада, которая была у меня въ рукахъ, до 80 экземпляровъ. Теперь, другимъ путемъ, прихожу къ тому-же выводу.

что нумизматическое наслѣдіе отъ времени княженія Василія Дмитріевича богаче наслѣдія времени его отца, какъ по разнообразію типовъ, такъ и по количеству извѣстныхъ экземпляровъ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, нѣтъ твердыхъ пока данныхъ для того, чтобы установить послѣдовательность во времени возникновенія отдѣльныхъ типовъ, хотя слѣдуетъ оговориться, что существованіе такой послѣдовательности должно быть понимаемо условно и, навѣрно, никогда не будетъ установлена нетолько для всѣхъ, но даже для большинства типовъ, такъ какъ не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что разные типы денегъ возникали одновременно въ разныхъ мастерскихъ. Считаю только долгомъ предупредить нумизматовъ, что слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ окончательныхъ выводахъ въ такого рода вопросахъ, весьма легко дающихъ поводъ къ болѣе или менѣе остроумнымъ догадкамъ и сближеніямъ. Изъ непреложныхъ и доказанныхъ фактовъ, относящихся къ монетамъ Василія Дмитріевича, у меня пока имѣется лишь одинъ, а именно: перечеканенный экземпляръ деньги, причемъ штемпеля съ именемъ Владимира Андреевича (храбраго) нанесены на деньгу Василія, описанную мною подъ № 51. Изъ этого факта мы пока можемъ сдѣлать только одно заключеніе—что деньги этого типа чеканены при Василіѣ до 1410 года, когда Владиміръ Андреевичъ еще жилъ. Это немного, но все-же нѣчто положительное. Относительно двухъ другихъ типовъ мы можемъ сказать тоже кое-что, но уже менѣе увѣренно. Типъ, описанный подъ №№ 98—102, повидимому, послужилъ оригиналомъ для типа монетъ Ростовскихъ князей. Если опредѣленіе ростовскихъ монетъ вѣрно, то копіи должны были быть исполнены не позже 1404 года, а слѣдовательно и оригиналы, т.-е. монеты Василія этого типа были выпущены ранѣе этого года. Наконецъ, типъ, описанный мною подъ №№ 106—111, какъ я убѣжденъ, скопированъ для монеты съ именемъ Семена Владиміровича, начавшаго княжить въ 1410 году и пережившаго Василія Дмитріевича; изъ этого факта можно вывести еще менѣе опредѣленное заключеніе, что №№ 106—111 были чеканены въ какой-либо годъ или года между 1410 и 1425 годомъ. Вотъ, къ сожалѣнію, пока и все...

Всѣми серьезными нумизматами придается особенное значеніе вѣсу монетъ, на основаніи котораго дѣлаются иногда опредѣленные выводы объ относительной древности типовъ. Можетъ быть признано общимъ правиломъ, что вѣсъ монеты, съ теченіемъ времени, уменьшается. Теоретически это несомнѣнно вѣрно, и въ дѣйствительности этотъ фактъ всюду и постоянно подтверждался. Однако, и тутъ слѣдуетъ огово-

риться: если, въ общемъ, монетная единица имѣетъ всегда тенденцію съ теченіемъ времени уменьшаться въ вѣсѣ и внутренней цѣнности, то намъ извѣстны многочисленные случаи колебаній вѣса монеты не въ зависимости отъ времени, но отъ мѣста чеканки. Самой перемѣнѣ вѣса монеты во времени предшествуетъ обыкновенно уменьшеніе ея вѣса въ какомъ-либо мѣстѣ чеканки. При существованіи откупной системы въ дѣлѣ чеканки денегъ и при существованіи нѣсколькихъ мастерскихъ, такія колебанія въ вѣсѣ монеты, изготовляемой хотя и одновременно, но въ разныхъ мастерскихъ, непремѣнно должны были имѣть мѣсто. Поэтому разница въ одну—двѣ доли, т.-е. въ данномъ случаѣ, въ 5—10% не можетъ сама по себѣ служить доказательствомъ сравнительнаго старшинства отдѣльныхъ типовъ. Однако, между монетами, приписываемыми мною княженію Василія Дмитріевича, мы встрѣчаемъ типы, нормальный средній вѣсъ которыхъ несомнѣнно превышалъ 21 долю, рядомъ съ другими, вѣсившими всего 17—18 долей, несмотря на прекрасную сохранность экземпляровъ. Такую разницу въ вѣсѣ, приблизительно въ $^1/_5$ или 20%, дозволено считать указаніемъ на уменьшеніе его во времени, т.-е. мы имѣемъ право предполагать, что во второй половинѣ княженія Василія монета сознательно чеканилась легче, чѣмъ въ началѣ. Очень возможно, что совпаденіе ея вѣса съ вѣсомъ новгородскихъ денегъ, чеканившихся съ 1420 года, не случайно. Поэтому, говоря вообще, мы можемъ предполагать, что въ началѣ княженія Василія нормальный вѣсъ денегъ равнялся приблизительно 22 долямъ, а къ концу его доведенъ былъ до 18—17 долей, но когда произошли перемѣны, въ какой постепенности, и постепенно-ли, или скачками—всего этого мы сказать не можемъ.

Если вѣрны мои предположенія о томъ, что одновременно чеканились деньги въ разныхъ мастерскихъ разными откупщиками, и что многія, если не большинство безъимянныхъ монетъ продолговатой формы и плоской чеканки выпущены московскими мастерами при Василіи Дмитріевичѣ, то послѣднія не могли изготовляться въ тѣхъ-же мастерскихъ, изъ которыхъ выпускались типы болѣе совершенной работы. Къ разряду упомянутыхъ безъимянныхъ, по своей формѣ и по фактурѣ примыкаютъ и такіе типы монетъ съ именемъ Великаго князя, какъ описанные мною подъ №№ 103—105.

Грубость исполненія штемпелей этого рода денегъ и ихъ странная форма заставляла нумизматовъ обыкновенно подозрѣвать, что опѣ-то и есть самыя старыя изъ извѣстныхъ намъ русскихъ нумиз-

мизматическихъ памятниковъ XIV в. Выше мною было указано, что грубость сама по себѣ не можетъ являться признакомъ архаизма, а въ данномъ случаѣ я даже убѣжденъ какъ-разъ въ обратномъ. Достойно замѣчанія, что именно эти деньги грубой работы гораздо больше размѣромъ другихъ монетъ XIV вѣка (болѣе тщательной работы), но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣсомъ, какъ общее правило, легче. Обычно онѣ вѣсятъ 19, 20, иногда даже 18—17 долей, рѣдко только достигая вѣса 21 и болѣе долей, тогда какъ деньги болѣе совершенной работы обычно вѣсятъ 21—22 доли, иногда же 23, 24 и даже 25 долей. Такой результатъ взвѣшиванія нѣсколькихъ сотъ монетъ моего собранія навелъ меня на мысль, что въ числѣ такъ называемыхъ „неопредѣленныхъ“ русскихъ монетъ и схожихъ съ ними по фактурѣ опредѣленныхъ (т. е. съ именами князей) находятся какъ произведенія мастерскихъ, въ которыхъ работали менѣе искусные денежники, такъ и фальшивомонетчиковъ, т. е. изготовителей „воровскихъ“ денегъ, которыя несомнѣнно обращались и въ началѣ XV вѣка, какъ обращались и позже. Мы пока не умѣемъ отличать „воровскія“ деньги отъ изготовленныхъ неумѣлыми и невѣжественными откупщиками, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что такія деньги попадали и въ клады вмѣстѣ съ „добрыми“ деньгами и что онѣ въ довольно значительномъ количествѣ покоятся нынѣ и въ нашихъ собраніяхъ, однѣ рядомъ съ другими [1]).

Многочисленность денегъ „продолговатаго“ и плоскаго чекана указываетъ на то, что онѣ были очень распространены и, слѣдовательно, пришлись, вѣроятно, по вкусу населенію, и вотъ почему мы встрѣчаемся со страннымъ, на первый взглядъ, фактомъ, доказываемымъ составомъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ кладовъ, совмѣстнаго и одновременнаго обращенія столь разнообразныхъ по формѣ и по „стилю“ монетъ. Мы видѣли, что въ началѣ XVI вѣка нашлись сторонники денегъ, изготовлявшихся „безумными“ людьми, которыхъ за ихъ „безуміе“ жестоко казнили. Это доказываетъ, что вкусы народонаселенія не всегда совпадали со вкусами и интересами правительственныхъ лицъ. „Безумные человѣци“ попадались, вѣроятно, и раньше 1535 года, и существовали среди денежниковъ начала XV в., удовлетворяя потребностямъ и вкусамъ тогдашней непритязательной, хотя и капризной, публики. Не къ нимъ ли относится надпись на

1) См. ниже, о вѣсѣ монетъ.

извѣстныхъ деньгахъ Тверскаго Великаго князя Ивана Михаиловича

которую еще Прозоровскій предлагалъ читать, какъ „сторожа на безумнаго чело (вѣка)“? [1]).

Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ ясно формулировать мое мнѣніе. Думаю, что во время княженія Василія Дмитріевича изготовлялись въ разныхъ мастерскихъ весьма различнаго, по внѣшности, вида деньги, и что, благодаря этому, среди хуже изготовленныхъ, продолговатыхъ, попадались рядомъ съ настоящими, отчеканенными княжескими откупщиками, и „воровскія“, т. е. фальшивыя деньги. Когда нибудь, мнѣ-ли, или кому-либо другому, придется заняться выясненіемъ этого вопроса, могущимъ имѣть большое вліяніе на классификацію русскихъ монетъ XV вѣка.

Невыясненность цѣлаго ряда вопросовъ, касающихся нумизматическаго матеріала, представляемаго монетами съ именемъ Василія Дмитріевича, заставила меня, какъ мною было уже указано выше, отказаться пока отъ попытки хронологической классификаціи денегъ этого княженія: мною и безъ того высказано по поводу этого матеріала столько догадокъ и предположеній, что строить классификацію на дальнѣйшихъ догадкахъ, не имѣя пока твердой почвы подъ ногами, мнѣ кажется неосторожнымъ. Къ этому вопросу удастся, можетъ быть, вернуться тогда, когда основательно будетъ обработанъ весь матеріалъ, относящійся къ первой половинѣ XV вѣка или, вѣрнѣе, ко времени вплоть до княженія сына Темнаго, Ивана Васильевича, причемъ необходимо будетъ подвергнуть изслѣдованію нетолько деньги московскаго чекана, но и такъ называемыя „удѣльныя“ и „неопредѣленныя“ (выражаюсь, ради краткости, понятнымъ для русскихъ нумизматовъ языкомъ). Тогда, я увѣренъ, но только тогда, удастся, путемъ сравненія типовъ, вѣса и пробы серебра (что тоже существенно важно), добиться выясненія такихъ данныхъ, которыя послужатъ надежными опорными точками для научной классификаціи.

---

1) Средній вѣсъ, по 16 экземплярамъ, равнялся 13 долямъ и колеблется между 11 и 15 долями.

О вѣсѣ и пробѣ монетъ Василія Дмитріевича.

При опредѣленіи средняго вѣса монетъ съ именемъ Василія Дмитріевича я счелъ нужнымъ подраздѣлить ихъ на три главныя группы: первая, самая большая, заключаетъ въ себѣ почти всѣ монеты, описанныя подъ №№. 1—105; изъ этой серіи выдѣлены, однако, №№ 68 и 69, отнесенныя мною по среднему вѣсу къ 3-й группѣ, и № 30; три извѣстныхъ мнѣ экземпляра этой монеты, далеко не идеальной, хотя и не плохой сохранности, вѣсятъ въ сложности $91^1/_2$ доли, что дастъ средній вѣсъ въ $30^1/_2$ долей, т. е. почти ровно въ полтора раза больше средняго вѣса наибольшей группы монетъ Василія, приближаясь, такимъ образомъ, къ нормальному вѣсу татарскихъ денегъ того времени (32 доли).

Въ первой группѣ мною опредѣленъ вѣсъ 255 экземпляровъ, вытянувшихъ, въ сложности, 5272 доли (=54 золотника, 88 долей), что даетъ средній вѣсъ экземпляра, равный $20^1/_2$ долямъ съ небольшимъ (точнѣе, $20,_{67}$ доли).

Принимая, однако, во вниманіе плохую сохранность многихъ взвѣшенныхъ экземпляровъ, а также тотъ фактъ, что нѣкоторые отдѣльные экземпляры, притомъ даже не безупречные, вѣсили по 23 и даже по 24 доли, средній нормальный вѣсъ денегъ Василія Дмитріевича, первой группы, долженъ быть признаваемъ равнымъ не менѣе 21 доли, вѣроятно же приближающимся къ 22 долямъ, т. е. изъ нашего современнаго фунта серебра въ 96 золотниковъ выдѣлывалось отъ 410 до 430 денегъ.

Вторую группу составляютъ №№ 106—112, средній вѣсъ которыхъ равенъ $18,_2$ доли, и наконецъ послѣднюю—№№ 113—117, къ которымъ я присоединяю №№ 68 и 69, дающіе средній вѣсъ (изъ 15 экземпл.) въ 17 долей.

Выше я указалъ на то, что большинство монетъ съ надписью „печать великаго князя“, но безъ имени собственнаго, должны, по моему мнѣнію, быть отнесены къ княженіямъ Дмитрія Ивановича и Василія Дмитріевича. Считаю нужнымъ привести здѣсь нѣсколько цифръ, относящихся къ вѣсу этихъ монетъ.

Деньги продолговатой формы, плоскія и чеканенныя штемпелями грубой работы, различныхъ типовъ, но объединенныя между собою общимъ видомъ настолько, что между собирателями извѣстны подъ специфическимъ именемъ „неопредѣленныхъ“, имѣютъ довольно раз-

нообразный вѣсъ, колеблющійся между 15 и 22 долями; главная масса ихъ вѣситъ, однако, отъ 17 до 20 долей. Мною опредѣленъ вѣсъ 534 такихъ денегъ моего собранія, причемъ общій ихъ вѣсъ равнялся 10.267 долямъ, а потому средній вѣсъ опредѣлился въ $19^1/_4$ доли.

Если изъ ихъ числа выдѣлить тѣ типы, на которыхъ изображенъ человѣкъ по поясъ съ саблею (или мечемъ) и топоромъ въ рукахъ, нѣсколько лучшей, болѣе опредѣленной работы, то цифры получатся нѣсколько иныя. Монетъ этого типа мною взвѣшено 63 экземпляра моей коллекціи, вытянувшихъ въ сложности 1260 долей.

Третьей группою безъимянныхъ монетъ слѣдуетъ считать тщательно исполненныя деньги почти круглой формы, тоже съ пояснымъ изображеніемъ человѣка съ саблею и топоромъ въ рукахъ, которыя имѣютъ несомнѣнно видъ оффиціальной монеты, думается мнѣ, чеканенной при Дмитріѣ Донскомъ, а можетъ быть, и въ началѣ княженія Василія (см. выше, стр. 72).

Итакъ, 1-й группы—471 экземпляръ вѣсятъ 9007 долей, что даетъ средній вѣсъ въ 19 долей.

2-й группы 63 экземпляра вѣсятъ 1260 долей; средній вѣсъ 20 долей.

3-й группы 49 экземпляровъ вѣсятъ 1100 долей; средній вѣсъ $22^1/_2$ доли. Денегъ первой группы на современный русскій фунтъ приходится до 485 штукъ, второй группы до 460, а третьей всего около 410 штукъ.

Мы видимъ, что если эти монеты чеканились одновременно съ описанными мною подъ №№ 1—105 деньгами Василія Дмитріевича, мастерскія, выпускавшія монеты 1-й группы, независимо отъ большей или меньшей чистоты серебра, вырабатывали въ свою пользу не менѣе 65 денегъ на фунтъ, чеканившіе монету 2-й группы около 40 денегъ на фунтъ (т. е. болѣе на 10 — 15%, по крайней мѣрѣ, противъ нормы), тогда какъ чеканившіе деньги 3-го типа никакой выгоды такого рода имѣть не могли.

Если обратиться къ соотвѣтствующему матеріалу, изданному А. В. Орѣшниковымъ въ „Русскихъ монетахъ до 1547 г.“, то получимъ нѣсколько болѣе низкія цифры средняго вѣса монетъ каждой изъ трехъ категорій. Можетъ быть, это произошло у меня, однако, отчасти по слѣдующей причинѣ: въ каталогѣ не всюду перечисляется вѣсъ отдѣльныхъ экземпляровъ описанныхъ подъ однимъ №; такъ, для примѣра, подъ № 914 указано, что взвѣшено 6 экземпляровъ въ

19, 19$^1/_2$ и 20 д.; не зная, сколько экземпляровъ вытянуло 20, сколько 19 долей, я въ свой разсчетъ долженъ былъ включить не 6, а только 3 экземпляра именно въ 19, 19$^1/_2$ и въ 20 долей, чтобы избѣжать возможной ошибки. Кромѣ того, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, въ общемъ, сохранность экземпляровъ Московскаго музея нѣсколько слабѣе сохранности моихъ экземпляровъ.

Сдѣлавъ эту оговорку, слѣдуетъ, однако, сказать, что *соотношеніе* вѣса трехъ категорій денегъ оказалось приблизительно тоже.

1-й категоріи (№№ 840—843, 849—866, 911, 917—928, 938—947, 955—1023) 143 экземпляра вѣсятъ 2692 доли, что даетъ средній вѣсъ въ 18,6 долей.

2-й категоріи (№№ 898, 899, 905—910, 912—916)—24 экземпляра вѣсятъ 455,5 долей; средній вѣсъ—19 долей.

3-й категоріи (№№ 900—904)—5 экземпляровъ вѣсятъ 112 долей средній вѣсъ—22,4 доли.

Монеты 2-й категоріи, по даннымъ, извлеченнымъ изъ труда А. В. Орѣшникова, оказываются на цѣлую долю легче, въ среднемъ, выведенной мною по моимъ экземплярамъ нормы, что, однако, можетъ быть объяснено худшею сохранностью монетъ, меньшимъ количествомъ матеріала и т. п. причинами.

Переходя къ другимъ монетамъ, мною описаннымъ, укажу, что, соединяя данныя, полученныя на основаніи моихъ экземпляровъ и экземпляровъ Историческаго музея, №№ 106—111 (у Орѣшникова №№ 507—510), получается средній вѣсъ (изъ 13 экземпляровъ), равный безъ малаго 18 долямъ (точнѣе, 17,7 дол.); такихъ денегъ, если принять во вниманіе, что средній вѣсъ ихъ можетъ быть признаваемъ нѣсколько выше выведеннаго по немногочисленнымъ пока и случайнымъ экземплярамъ, на фунтъ приходилось отъ 500—510.

Наконецъ, №№ 112—117 (у Орѣшникова №№ 511—514) вѣсятъ, въ среднемъ (по 15 экземплярамъ)—16 долей, а потому, съ тою-же оговоркою, какъ та, которую я сдѣлалъ по поводу предъидущей категоріи, можно признать, что на фунтъ такихъ денегъ приходилось отъ 560 до 580 штукъ.

Любезно произведенныя г. Н. Карташевымъ, по моей просьбѣ, пробы монетъ дали слѣдующіе результаты.

Двѣ монеты Василія Дмитріевича типа №№ 16—24 оказались: одна 86$^1/_2$ пробы, а другая 86$^1/_6$ пробы, причемъ въ серебрѣ обѣихъ заключалось до 0,5% (5 на 1000) золота. Одна изъ монетъ, описанныхъ мною подъ № 46 (всадникъ съ соколомъ) оказалась 89$^2/_3$ пробы (золота 0,5%).

№ 53 и двѣ № 64 (всадникъ съ мечемъ) — $92^{1}/_{12}$ пробы, $88^{1}/_{6}$ и $87^{1}/_{2}$ пробы (0,1%, 0,5% и 0,3% золота).

№ 76 и № 77 (всадникъ, колющій голову змѣя)—$88^{1}/_{3}$ пробы и $87^{3}/_{4}$ пробы (0,5% и 0,6% золота).

№ 92 и № 93 (съ подражаніемъ арабскимъ буквамъ, въ которомъ Орѣшниковъ предполагаетъ тайнопись)—$89^{11}/_{12}$ пробы и 89 пробы (0,4 и 0,5% золота).

№ 103—(человѣческая голова въ татарской шапкѣ съ цвѣткомъ)—$77^{7}/_{12}$ пробы (0,4% золота).

№ 117—(малыхъ размѣровъ, типъ человѣка съ мечемъ и топоромъ)—$85^{5}/_{6}$ пробы (0,5% золота).

Такимъ образомъ, достоинство серебра въ деньгахъ Василія Дмитріевича колеблется между $77^{7}/_{12}$ пробою и $92^{1}/_{12}$ пробою, а если исключить № 103, оказавшійся особенно низкопробнымъ и являющійся, судя по формѣ монеты и по фактурѣ, можетъ быть, произведеніемъ неофиціальной мастерской, то колебаніе это окажется въ предѣлахъ $85^{5}/_{6}$ и $92^{1}/_{12}$ пробъ, а средняя проба равняется приблизительно $88^{1}/_{2}$ (если включить въ разсчетъ № 103,—то $87^{1}/_{2}$).

Конечно, эти выводы только приблизительные и должны быть примѣняемы съ серьезными оговорками, такъ какъ, для того, чтобы получить болѣе обоснованные выводы, потребовалось-бы опредѣлить пробу нѣсколькихъ сотенъ монетъ, а не двѣнадцати экземпляровъ. Признаюсь откровенно въ томъ, что мнѣ было жаль портить для этого значительное количество цѣннаго нумизматическаго матеріала ради точности, въ сущности, второстепенныхъ выводовъ.

Изъ произведенныхъ изслѣдованій мы можемъ, однако, и теперь заключить, что колебанія въ достоинствѣ серебра, изъ котораго чеканились деньги, были довольно значительны, достигая 7, а можетъ быть, и 15%. Это, прежде всего, указываетъ, мнѣ кажется, на низкое состояніе монетнаго дѣла вообще, и прежде всего на неумѣніе получать сплавъ одинаковаго достоинства. На это-же довольно низкое состояніе монетнаго дѣла указываетъ неизмѣнное присутствіе въ сплавѣ не менѣе 0,3%, иногда-же до 0,6% золота, которое не умѣли выдѣлять изъ серебра. Неумѣніемъ выдѣлить болѣе драгоцѣнный металлъ изъ золотистаго серебра изготовители монетъ безсознательно увеличивали *внутреннее* достоинство выдѣлываемыхъ денегъ, безъ „профита“ для себя и не доставляя удовольствія потребителю, не знавшему о присутствіи золота въ серебрѣ.

Пожертвовавъ нѣкоторымъ количествомъ монетъ Василія Дми-

тріевича для опредѣленія пробы серебра, я воспользовался случаемъ и отдалъ для изслѣдованія нѣсколько и другихъ денегъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ моей статьѣ. Считаю нелишнимъ подѣлиться съ читателями результатами этихъ изслѣдованій, пока тоже недостаточно полныхъ, но имѣющихъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ монеты мною брались изъ коллекціи отчасти случайно, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ количества экземпляровъ даннаго типа, имѣющихся на лицо въ моемъ собраніи.

Вотъ результаты этихъ пробъ.

Деньга безъимянная, съ изображеніемъ человѣка съ саблей и топоромъ (см. Орѣшн. Табл. XVII, рис. 783) оказалась $93^1/_3$ пробы (съ примѣсью золота 0,3%).

Изображенная у меня на таблицѣ подъ № 129 деньга (приписываемая А. В. Орѣшниковымъ, предположительно, Дмитрію Константиновичу Суздальскому) имѣла $92^5/_6$ пробу (съ примѣсью тоже 0,3% золота).

Монета, относимая Орѣшниковымъ (XV,711) къ Суздалю, со звѣремъ налѣво, съ одной стороны, и арабскою надписью, на другой, оказалась $90^7/_{12}$ пробы (съ содержаніемъ золота въ 0,4%).

Деньга изъ числа неопредѣленныхъ съ изображеніемъ человѣка съ мечемъ и чеканомъ о которыхъ мною говорится выше и которыя я отнесъ ко второй группѣ (ср. Орѣшн. XVIII, 79 5—6)—$87^1/_3$ пробы (золота 0,5%).

Относимыя А. В. Орѣшниковымъ къ княженію Кирдяпы:

Орѣшн. XV, 729 — $86^7/_{12}$ пробы (0,4% золота)
Орѣшн. XV, 715 — $80^1/_4$ пробы (0,4% золота)
Орѣшн. XV, 727 — $72^2/_3$ пробы (0,3% золота)

Относимыя имъ-же къ княженію Дмитрія Константиновича Суздальско-Нижегородскаго:

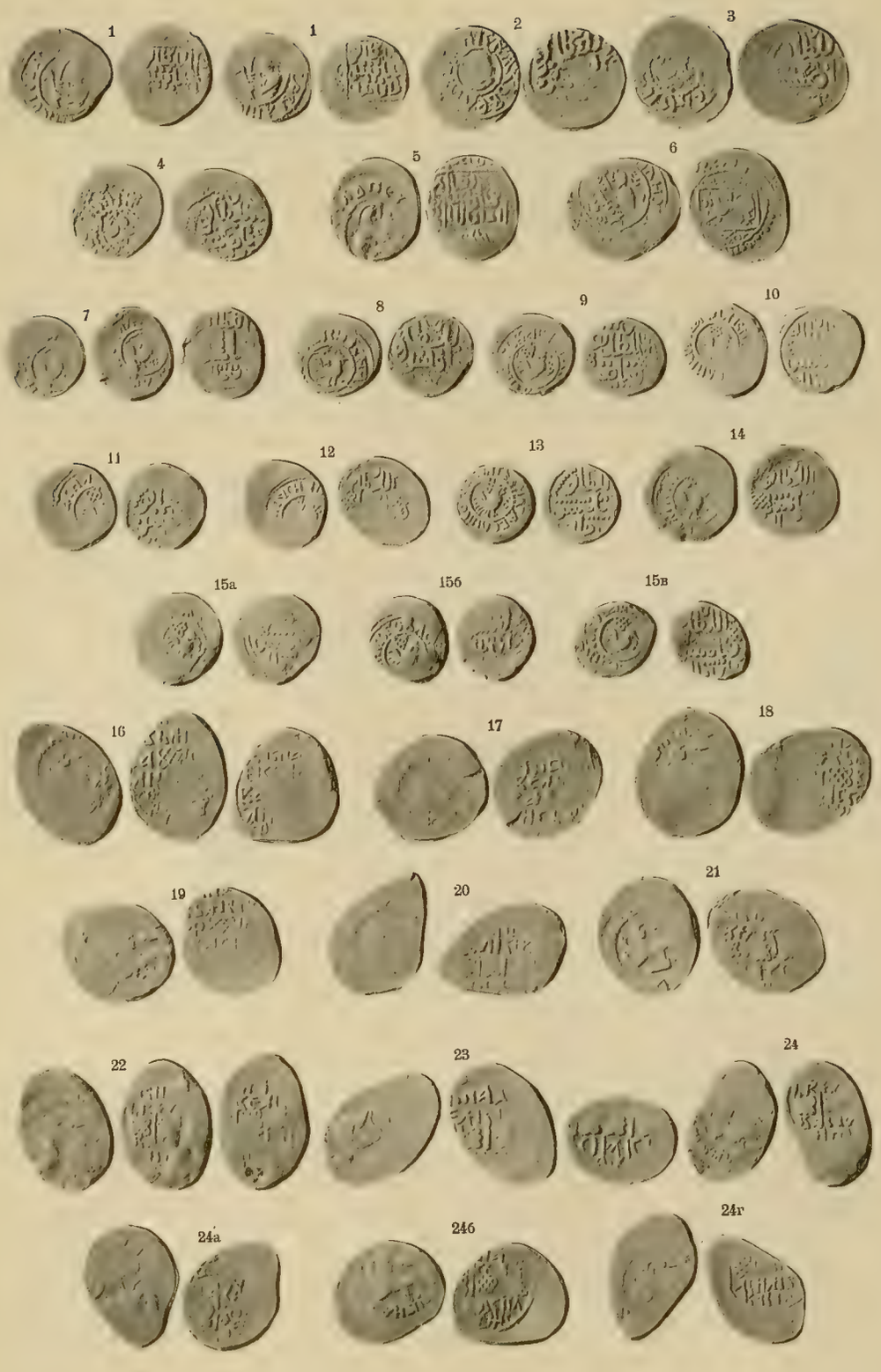
Орѣшн. XV, 703 — $84^3/_4$ пробы (0,4% золота)
Орѣшн. XV, 706 — $78^2/_3$ пробы (0,3% золота)

Относительно послѣднихъ пяти монетъ замѣчу, что вѣсъ ихъ равнялся 94,5 долямъ, что даетъ средній вѣсъ въ 18,9 долей. Мною были взвѣшены всѣ имѣющіяся у меня экземпляры этихъ пяти разновидностей (не типовъ), которыхъ у меня въ собраніи, въ сложности, 23 экземпляра. Средній ихъ вѣсъ оказался нѣсколько выше, а именно 19,3 доли. Если теперь признать за средній вѣсъ денегъ Василія

Дмитріевича хотя-бы всего $20^1/_2$ долей и среднюю пробу равною $87^1/_2$, то получится слѣдующее соотношеніе предполагаемыхъ Суздальско-Нижегородскихъ денегъ къ Московскимъ: нижегородскія по цѣнности относятся къ московскимъ, какъ 31 къ 35, иначе говоря, первыя почти на $11^1/_2\%$ уступаютъ въ цѣнности вторымъ. Если вѣрно мое предположеніе, что въ числѣ монетъ, не поддающихся точному опредѣленію, встрѣчаются „воровскія“ деньги, то прыбыль въ 11% можетъ считаться уже достаточно заманчивою. Обращаю вниманіе на то, что въ данномъ случаѣ я взялъ такія цифры, которыя сокращаютъ возможную прибыль; но если принять нормальный вѣсъ московскихъ денегъ равнымъ 21 долѣ и нормальную пробу равною $88^1/_2$, то эта прибыль увеличится до $16^1/_2\%$.

Если эти выкладки и не могутъ почитаться имѣющими рѣшающаго значенія, то все-же онѣ не лишены интереса и условной важности при рѣшеніи ряда вопросовъ, возбуждаемыхъ изученіемъ русской нумизматики великокняжескаго періода.

Графъ Ив. Толстой.

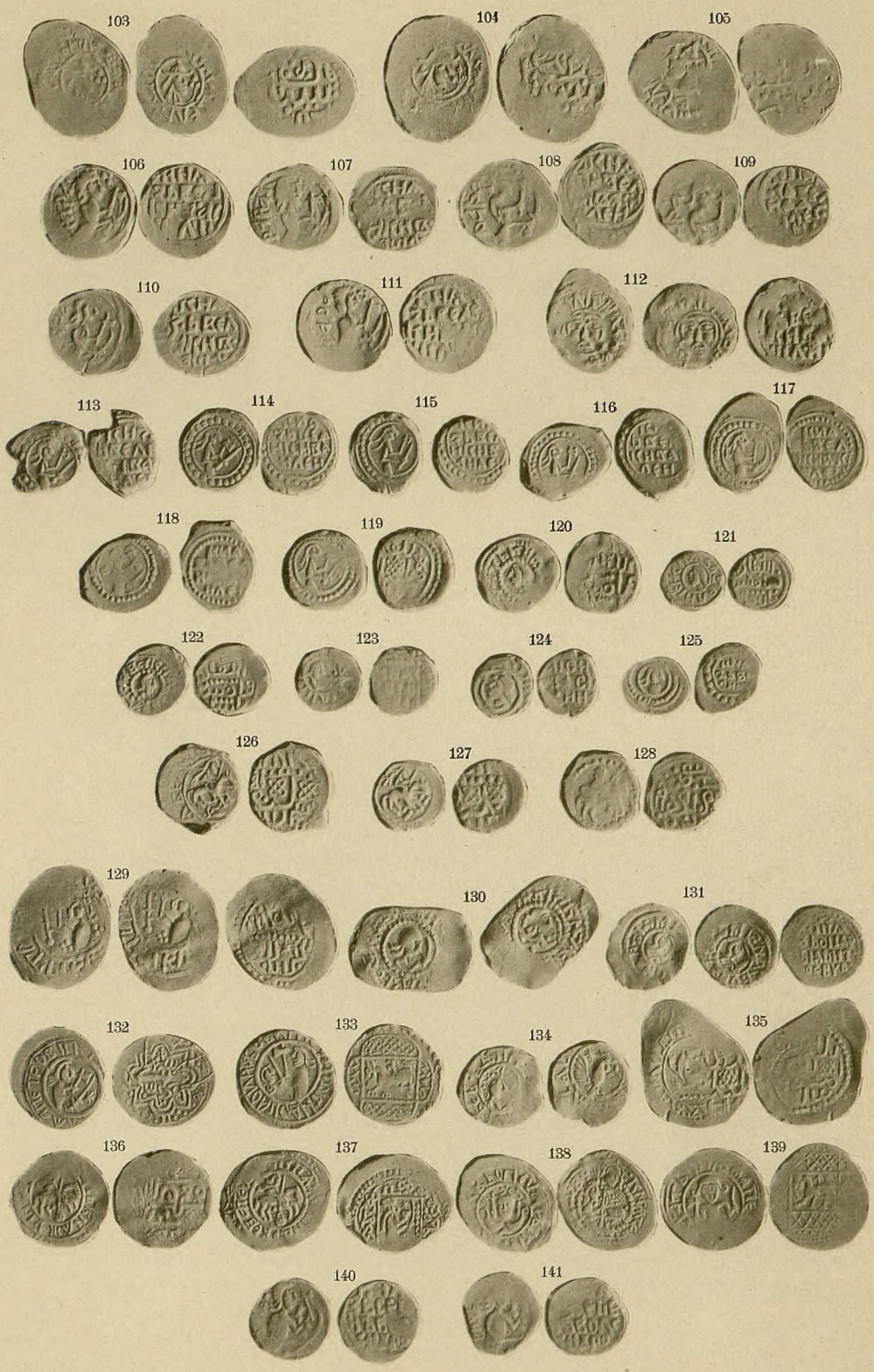


ФОТОТИПІЯ И ТИП. А. Ф. ДРЕССЛЕРА,
СПБ. Б. ПОДЪЯЧЕСКАЯ 22.

ФОТОТИПІЯ И ТИП. А. Ф. ДРЕССЛЕРА,
СПБ. Б. ПОДЬЯЧЕСКАЯ 22.

Фототипія и изд. А. Ф. Дресслера.
Спб. Б. Подъяческая 22.

Фототипія и тип. А. Ф. Дресслера,
СПб. Б. Подъяческая 32.



ФОТОТИПІЯ И ТИП. А. Ф. ДРЕССЛЕРА,
СПБ, 8, ПОДЪЯЧЕСКАЯ 22.